

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

6·1998

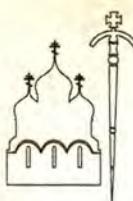

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

6•1998

Рождество Твоє, Христе Боже
наш, возсия мири свет разумъ,
в нем бо звездам служащим
звездою учахуся Тебе кланятися,
Солнцу Правды, и Тебе ведети
с высоты востока.
Господи, слава Тебе!

Содержание «Журнала Московской Патриархии»

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Служения Святейшего Патриарха Алексия	4
Поздравительное слово митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию по случаю Праздника Святой Пасхи	10
<i>O. Кириянова.</i> «Пасха священная нам днесь показалася...»	12
<i>B. Сафонов.</i> Освящение закладного камня часовни на Митинском кладбище в Москве	16
<i>O. K.</i> Во имя возрождения России...	18
<i>B. K.</i> Праздник в Царицыне	21
<i>A. Любавин.</i> Международная конференция «Подвиг монашества в отечественной истории»	24

Главному редактору

Издательства Московской Патриархии – 50 лет

Поздравление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия	25
Поздравление Председателя Отдела внешних церковных сношений	26

Новомученики и исповедники Российские

<i>Иеромонах Дамаскин (Орловский).</i> Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого)	27
--	----

Вечная память

<i>Священник Михаил Дудко.</i> Протоиерей Николай Тарасов	42
<i>M. Жилкина.</i> Памяти Ирины Евгеньевны Прокофьевой	43
<i>Архиепископ Иоанн (Максимович).</i> Страстотерпец Николай II	44
Царь Николай Многострадальный	45
<i>C. Пушкирев.</i> Историография Русской Православной Церкви	46
<i>C. Шоломова.</i> «Остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец...» К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого)	67

ПРОПОВЕДЬ

БОГОСЛОВИЕ НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Адрес редакции: 119435, Москва, ул. Погодинская, 20

Обложка:

на первой полосе:

Святые врата Псково-Печерской обители

на второй полосе:

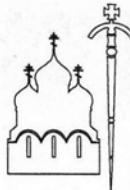
Святейший Патриарх Алексий в Троице-Сергиевой Лавре в день празднования в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». 24 апреля 1998 года

на третьей полосе:

Святейший Патриарх благословляет прихожан храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине в Москве. Великая Суббота, 18 апреля 1998 года

на четвертой полосе:

Гороховец. Церковь во имя святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

Contents of the Journal of the Moscow Patriarchate

CHURCH LIFE

Services Conducted by His Holiness Patriarch Alexy II	4
Greetings to His Holiness Alexy II, Patriarch of Moscow and All Russia, on the Occasion of Holy Easter by Metropolitan Yuvenaly of Krutitsy and Kolomna	10
«Holy Easter Has Revealed Itself today...» by O. Kiryanova	12
Consecration of the Foundation Stone of the Chapel at the Mitino Cemetery by V. Safronov	16
In the Name of the Rebirth of Russia... by O. K.	18
Celebrations in Tsaritsino by B. K.	21
«Feasts of Monasticism in Russian History» International Conference by A. Lyubavin	24

*Bishop Tikhon of Bronnitsy, Editor-in-Chief
of the Publishing House of the Moscow Patriarchate is 50*

Congratulation from Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II ..	25
Congratulation from Head of the Department of External Church Relations	26

New Russian Martyrs and Confessors

Biography of Archbishop Ilarion (Troitsky) by Hieromonk Damaskin (Orlovsky)	27
--	----

In Memoriam

Archpriest Nicolai Tarasov by Priest Mikhail Dudko	42
In Memory of Irina Evghenyevna Prokofyeva by M. Zhilkina	43

SERMON

Tsar Nicholas II the Martyr by Archpriest Ioann (Maksimovich). . . .	44
Tsar Nicholas the Great Sufferer by Archpriest Ioann (Maksimovich)	45

THEOLOGY

Historiography of the Russian Orthodox Church by S. Pushkaryov ..	46
---	----

OUR PUBLICATIONS

«I remain your faithful well-wisher and worshipper...» On the Relations between Priest Pavel Florensky and Metropolitan Antony (Khrapovitsky) by C. Sholomova	67
---	----

Editorial and Subscription office: 119435, Moscow, Pogodinskaya, 20

The front cover:

The Holy Gates of the Pskov-Monastery of the Caves

The inside cover:

**His Holiness Patriarch Alexy II at the Trinity-St. Sergius Lavra on the feast
day of the Holy Virgin's icon «The Life-Giving Spring»**

The back inside cover:

**His Holiness Patriarch Alexy II bestows his blessing to the parishioners
of the Church of the Holy Virgin's Nativity in Moscow. Great Saturday,
April 18, 1998**

The back cover:

Town of Gorokhovets. The Church of St. John the Baptist

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Служения Святейшего Патриарха Алексия

Апрель 1998 года

2 апреля – память преподобных Иоанна, Сергия, Патрикия и прочих во обители святого Саввы убиенных.

Святейший Патриарх Алексий в сослужении архиепископа Истринского Арсения совершил Литургию Преждеосвященных Даров в Богородице-Рождественском ставропигиальном женском монастыре в Москве. За Литургией Святейший Владыка возвел настоятельнице монастыря монахиню Викторину (Перминову) в сан игумении. По окончании Литургии Его Святейшество с сослужащим духовенством совершил краткое славление перед ковчегом с частицами мощей празднуемых святых.

3 апреля – пятница 5-й седмицы Великого поста.

Вечером Святейший Патриарх совершил утреню с чтением Акафиста Пресвятой Богородице в Богоявленском кафедральном соборе в Москве перед чтимой иконой Божией Матери «Умиление» – келейной иконой преподобного Серафима Саровского, стоя на коленях перед которой праведник окончил свой жизненный путь.

Его Святейшеству сослужили архиепископы Солнечногорский Сергий, Истринский Арсений; епископы Бронницкий Тихон, Орехово-Зуевский Алексий и Красногорский Савва.

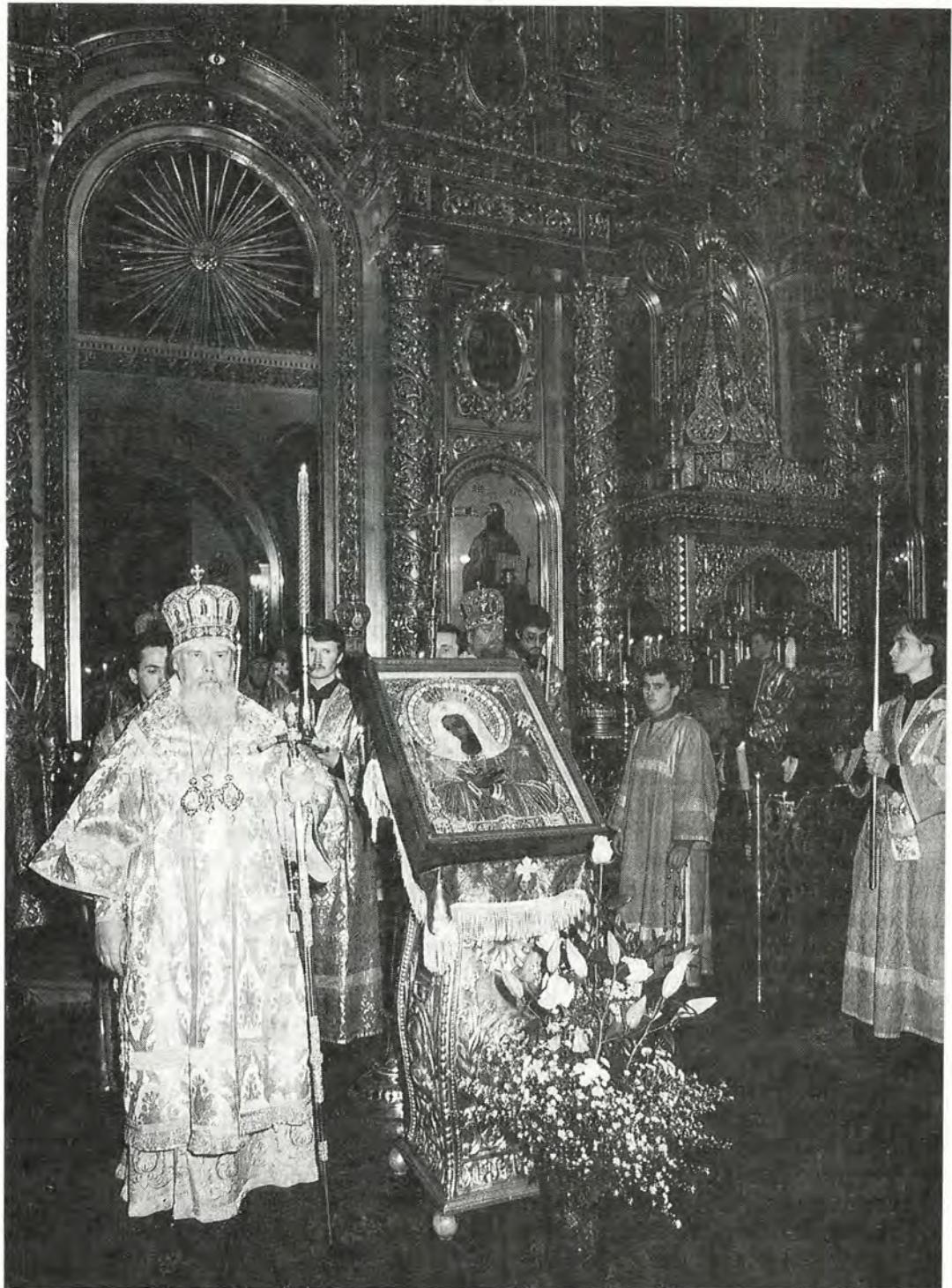
4 апреля – Похвала Пресвятой Богородицы (Суббота Акафиста).

Святейший Патриарх Алексий совершил освящение трех нижних приделов – в честь святителя Ионы, митрополита Московского, преподобного Илариона Великого и преподобного Нила Столбенского – в Покровском храме Покров-

ского женского монастыря в Москве. По окончании чина освящения Святейший Патриарх совершил Божественную литургию, за которой возвел в сан игумении настоятельнице монастыря монахиню Феофанию (Мискину) и рукоположил диакона Кирилла (Каледу) во пресвитера ко храму во имя новомучеников и исповедников Российских в Бутове в Москве. После Литургии Его Святейшество совершил освящение крестов, которые были вскоре установлены на купола Покровского и Воскресенского храмов монастыря. В благословение обители Святейший Владыка передал Владимирскую икону Царицы Небесной. Его Святейшеству сослужили архиепископ Истринский Арсений и епископ Орехово-Зуевский Алексий.

5 апреля – Неделя 5-я Великого поста. Память преподобной Марии Египетской.

Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в Успенском трапезном храме Свято-Никольского Угрешского ставропигиального мужского монастыря Московской области. За Божественной литургией Святейший Владыка удостоил наместника монастыря архимандрита Вениамина (Зарницкого) права служения Литургии с отверстыми царскими вратами до «Отче наш» и возложил набедренники на насельников обители иеромонахов Варфоломея (Петрова) и Рафаила (Костыка), а также рукоположил диакона Михаила Немнова во пресвитера ко храму в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине. По окончании богослужения на молитвенную память Его Святейше-

Святейший Патриарх Алексий у чтимой иконы Божией Матери «Умиление» –
келейной иконы преподобного Серафима Саровского.
Богоявленский кафедральный собор в Москве, 3 апреля 1998 года

ству была преподнесена Угрешская икона Божией Матери «Взыграние» с предстоящими святым благоверным князем Димитрием Донским и Святителем Чудотворцем Николаем. Святейшему Патриарху сослужил архиепископ Истринский Арсений.

В тот же день Его Святейшество совершил освящение креста для центрального купола собора в честь Иверской иконы Божией Матери на Патриаршем подворье в Николо-Перервинском монастыре. По окончании чина освящения Первосвятитель Русской Церкви обратился к собравшимся со Словом и выразил свою радость по поводу того, что Господь сподобил нас жить во времена созидания, а не разрушения. Его Святейшеству был преподнесен Владимирский образ Божией Матери, написанный местными иконописцами.

7 апреля – Благовещение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

Накануне праздника Святейший Патриарх Алексий совершил всенощное бдение в храме Святителя Николая в Звонарях, подворье Пюхтицкого Успенского женского монастыря в Москве. За богослужением Святейший Владыка вручил игуменский посох настоятельнице подворья игумении Филарете (Смирновой) как символ тех трудов, которые она несет по окормлению вверенного ей малого стада. По окончании богослужения Святейший Патриарх совершил монашеский постриг инокини Марии (Каледы) и послушниц подворья Валентины (Ночевой) и Зинаиды (Еферовой). Инокиня Мария, являющаяся настоятельницей Зачатиевского ставропигиального женского монастыря, основанного святителем Алексием, митрополитом Московским, была наречена именем Иулиания, которое носила первая игумения Зачатиевской обители, бывшая родной сестрой святителя Алексия, а послушницы подворья соответственно наречены Варфоломеей и Романой.

В самый день праздника Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в Благовещенском соборе Московского Кремля.

За всенощным бдением и Литургией Его Святейшеству сослужил архиепископ Истринский Арсений.

После Литургии по сложившейся традиции Святейший Патриарх выпустил на свободу птиц, что является символом освобождения от рабства греху, которое человечество получило с Пришествием в мир Спасителя.

В тот же день Его Святейшество совершил молебное пение с перенесением мощей святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, из Малого собора Донского монастыря в Большой. Святейшему Патриарху сослужили архиепископ Солнечногорский Сергий, епископы Бронницкий Тихон, Орехово-Зуевский Алексий и Красногорский Савва.

11 апреля – Лазарева суббота.

Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в нижней, Преображенской церкви Храма Христа Спасителя. За богослужением Святейший Владыка удостоил многих клириков Москвы церковных наград к празднику Святой Пасхи и совершил хиротонию диакона Константина Стриевского во пресвитера ко храму Живоначальной Троицы на Пятницкой улице в Москве. Его Святейшеству сослужил епископ Орехово-Зуевский Алексий.

12 апреля – Вход Господень во Иерусалим.

Накануне вечером Святейший Патриарх совершил всенощное бдение и освящение вай в Богоявленском кафедральном соборе в Москве.

В самый день праздника Святейший Владыка совершил в том же соборе Божественную литургию и хиротонию диакона Александра Березовского во пресвитера ко храму святителя Митрофана Воронежского на Хуторской улице в Москве.

За всеоощущенным бдением и Литургией его Святейшеству сослужил архиепископ Истринский Арсений.

15 апреля – Великая Среда.

Святейший Патриарх совершил Литургию Преждеосвященных Даров в Троицком храме подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Москве в сослужении архиепископа Истринского Арсения и духовного собора обители.

16 апреля – Великий Четверток.

Святейший Патриарх Алексий совершил в нижней, Преображенской церкви Храма Христа Спасителя Божественную литургию, за которой рукоположил диакона Игоря Белова во пресвитера ко храму Сергия и Германа Валаамских подворья Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в Москве. Его Святейшеству сослужил архиепископ Истринский Арсений.

Вечером того же дня Святейший Патриарх совершил утреню с чтением 12 Страстных Евангелий в Богоявленском кафедральном соборе в Москве в сослужении архиепископов Солнечногорского Сергия и Истринского Арсения.

17 апреля – Великий Пяток.

Святейший Патриарх Алексий в нижней, Преображенской церкви Храма Христа Спасителя совершил великую вечерню с выносом святой плащаницы Господа нашего Иисуса Христа. После богослужения, стоя перед святой плащаницей, Святейший Владыка обратился со Словом к молящимся. Его Святейшеству сослужил архиепископ Истринский Арсений.

Вечером в Богоявленском кафедральном соборе Святейший Патриарх в сослужении архиепископов Солнечногорского Сергия и Истринского Арсения совершил утреню с чином погребения плащаницы Спасителя.

18 апреля – Великая Суббота.

Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в Богоявленском кафедральном соборе в Москве и рукоположил диакона Кирилла Дежина во

пресвитера ко храму святых апостолов Петра и Павла на Новой Басманной улице в Москве. Его Святейшеству сослужили архиепископы Солнечногорский Сергий и Истринский Арсений. После богослужения по сложившейся традиции Его Святейшество посетил ряд московских храмов: Святителя Николая в Покровском, Воскресения Христова на бывшем Семеновском кладбище, великомученика Димитрия Солунского на Благуше, Святителя Николая на Преображенском кладбище, Спаса Преображения в Богоявленском, Живоначальной Троицы в Останкине, Рождества Богородицы во Владыкине, Преподобного Сергия Радонежского в Бибиреве, Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве с крестильным храмом в честь мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии, Успения Пресвятой Богородицы в селе Архангельском-Тюрикове, Владимирской иконы Божией Матери в Виноградове, Преподобного Сергия Радонежского в Бусинове, мучеников и бессребреников Космы и Дамиана в селе Космодемьянском. Во всех храмах Святейший Владыка совершал поклонение святой плащанице, беседовал со священнослужителями, приветствовал прихожан, пришедших освятить традиционные пасхальные яства, поздравляя их с наступлением праздника Святой Пасхи.

19 апреля – Светлое Христово Воскресение.

Святейший Патриарх Алексий совершил в Богоявленском кафедральном соборе в Москве Светлую заутреню с крестным ходом в сослужении архиепископов Солнечногорского Сергия, Валентина (Мищука), Истринского Арсения и Божественную литургию в сослужении архиепископов Солнечногорского Сергия и Истринского Арсения.

Вечером Его Святейшество совершил Пасхальную вечерню в нижней, Преображенской церкви Храма Христа Спасителя в сослужении митрополитов

Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Волоколамского и Юрьевского Питирима; архиепископов Солнечногорского Сергия, Валентина (Мищука), Истринского Арсения; епископов Филиппопольского Нифона (Антиохийский Патриархат), Бронницкого Тихона, Орехово-Зуевского Алексия, Красногорского Саввы. За вечерней также молился епископ Василий (Родзянко) (Православная Церковь в Америке).

20 апреля – Понедельник Светлой Седмицы.

Святейший Патриарх совершил Божественную литургию с крестным ходом в Успенском Патриаршем соборе Московского Кремля. За Литургией в связи с праздником Святой Пасхи ряд клириков Москвы был удостоен Патриарших наград за усердное служение Церкви Христовой.

Его Святейшеству сослужили архиепископы Солнечногорский Сергий, Истринский Арсений, епископы Бронницкий Тихон и Орехово-Зуевский Алексий.

Вечером Святейший Патриарх совершил пасхальную вечерню в Богоявленском кафедральном соборе Москвы в сослужении митрополитов Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Волоколамского и Юрьевского Питирима; архиепископов Солнечногорского Сергия, Валентина (Мищука), Можайского Григория, Истринского Арсения, епископов Филиппопольского Нифона (Антиохийский Патриархат), Бронницкого Тихона, Верейского Евгения, Орехово-Зуевского Алексия, Красногорского Саввы. По окончании богослужения Предстоятеля Русской Православной Церкви приветствовал митрополит Ювеналий, который поздравил его Святейшество с праздником Светлого Христова Воскресения. Святейший Патриарх поблагодарил Владыку за теплые слова и обратился ко всем собравшимся с пасхальным приветствием. Благословляя верующих, Его Святейшество раздавал им пасхальные крашенки.

21 апреля – Вторник Светлой седмицы. Празднование в честь Иверской иконы Божией Матери.

Святейший Патриарх Алексий в сослужении архиепископа Истринского Арсения совершил Божественную литургию в храме Воскресения Христова в Сокольниках и рукоположил диакона Евгения Зуева во пресвитера ко храму Рождества Христова в Измайлово. По окончании Литургии и пасхального крестного хода Святейший Патриарх прочитал молитву перед чудотворной Иверской иконой Божией Матери.

В тот же день Его Святейшество совершил молебен в Иверской часовне у Воскресенских ворот на Красной площади. После молебна со словами пасхального приветствия и сыновней благодарности к Святейшему Владыке обратился благочинный протоиерей Геннадий Нефедов и преподнес Его Святейшеству пасхальное яйцо. Святейший Патриарх поздравил отца благочинного и всех молящихся с Пасхой Христовой и, в свою очередь, подарил отцу Геннадию пасхальное яйцо.

По окончании богослужения Святейший Владыка прошествовал в собор в честь Казанской иконы Божией Матери на Красной площади и поклонился святыням, а также обратился со словом приветствия к настоятелю собора протоиерею Аркадию Станько по случаю его 70-летия, которое пришлось на первый день Пасхи, и вручил ему орден святого благоверного князя Даниила Московского II степени.

24 апреля – Пятница Светлой седмицы. Празднование в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник».

Накануне вечером Святейший Патриарх Алексий в сослужении архиепископа Истринского Арсения и епископа Верейского Евгения совершил пасхальную вечерню с Сергиевском трапезном храме Троице-Сергиевой Лавры. На богослужении присутствовала делегация преподавателей и студентов Афин-

ского Православного университета. По окончании вечерни Святейший Патриарх подарил всем членам делегации иконки с Первосвятительским благословением.

В самый день праздника Святейший Патриарх совершил в том же храме в сослужении тех же Преосвященных Божественную литургию и рукоположил насельника Лавры иеродиакона Антония (Зинина) во иеромонаха. По окончании Литургии его Святейшество совершил крестный ход с чином освящения воды у надкладезной часовни.

За вечерней и Литургией многие насельники обители за усердное несение своих послушаний были удостоены Патриарших наград.

25 апреля – Суббота Светлой седмицы.

Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в Покровском соборе Покровского женского монастыря в Хотькове. За Литургией клирики монастыря игумен Амвросий (Кравчук) и диакон Николай Середний были удостоены Патриарших наград: игумен Амвросий – права ношения палицы, а диакон Николай – права ношения двойного орара. Святейший Патриарх совершил также рукопложение насельника Троице-Сергиевой Лавры иеродиакона Петра (Кильдибекова) во иеромонаха. По окончании крестного хода и по прочтении молитвы на раздробление артоса Святейшего Патриарха сердечно приветствовали воспитанники действующей при монастыре воскресной школы и настоятельница монастыря игумения Олимпиада (Баранова). Его Святейшеству были преподнесены пасхальные яйца. Святейший Патриарх поблагодарил матушку настоятельницу и подарил ей пасхальное яйцо, а всем детям, пошедшем под благословение, – по шоколадке.

Его Святейшеству сослужили архиепископы Солнечногорский Сергий и Истринский Арсений.

26 апреля – Антипасха. Неделя 2-я по Пасхе, Апостола Фомы.

Днем Святейший Патриарх прибыл на Митинское кладбище в Москве и, возложив венок у памятника жертвам чернобыльской трагедии, обратился с речью к собравшимся. После этого Святейший Патриарх совершил молебное пение перед началом закладки памятного храма-часовни во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в память всех героически погибших в чрезвычайных ситуациях при исполнении своего гражданского долга.

27 апреля – святителя Мартина исповедника, папы Римского.

Святейший Патриарх Алексий совершил освящение воинского храма во имя преподобного Илии Муромца Печерского с приделом во имя великомученицы Варвары в военном гарнизоне Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения. После освящения храма Святейший Патриарх совершил в храме Божественную литургию, за которой хиротонисал диакона Михаила Васильева во пресвитера к этому же храму. По окончании Литургии Святейший Владыка обратился со Словом к собравшимся и передал на молитвенную память в новый храм икону святого великомученика и Победоносца Георгия. Во внимание к трудам и заслугам по возведению храма и в связи с 60-летием Его Святейшества наградил присутствовавшего за богослужением министра обороны России И. Д. Сергеева орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени. Патриарших наград удостоились и многие другие военачальники. На память об освящении храма, ставшем для Его Святейшества юбилейным, сотым по счету, ему были преподнесены икона храмовых святых и макет храма.

Его Святейшеству сослужили архиепископ Костромской и Галичский Александр и епископ Красногорский Савва.

29 апреля – Радоница. Поминование усопших.

Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в Архангельском соборе Московского Кремля, за которой молился об упокоении «благоверных князей и княгинь, царей и цариц и всех во власти бывших», многие из которых погребены в стенах Архан-

гельского собора. Его Святейшество сослужили архиепископ Истринский Арсений и епископ Орехово-Зуевский Алексий.

В тот же день Святейший Патриарх совершил малое освящение домовой церкви во имя Иверской иконы Божией Матери на проспекте Мира, 13, в Москве.

Поздравительное слово митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию по случаю Праздника Святой Пасхи

Ваше Святейшество, Святейший Владыка и Отец!

Следуя древней апостольской традиции, к празднику Святой Пасхи Вы направили Первосвятительское послание ко всей Полноте Русской Православной Церкви. Больше того, Вы и обогатили эту традицию, ибо использовали разные виды средств массовой информации, многократно обращаясь с благовестием о Воскресшем Господе, и через это имели счастливую возможность дойти до сердца каждого человека. А сейчас настало время выразить Вашему Святейшеству ответное приветствие, исходящее из глубин наших любящих сердец. Примите, Ваше Святейшество, от лица Священного Синода, Синодальных учреждений, святых обителей, Духовных школ, от представителей Православных Церквей при Московском Патриаршем Престоле, архипастырей, пастырей и мирян сердечное пасхальное поздравление. Неоднократно обращаясь к Вам с этого святого места, я приводил слова, соответствующие великому дню, каждый раз ссылаясь на высокие церковные авторитеты. Ныне хочется поступить иначе, поделившись с Вами впечатлениями от посещения утром сегодняшнего дня одного из подмосковных храмов. Я был вдохновлен и восстановлением церкви, и присутствием множества народа за богослужением, и особенно детей. И под этим впечатлением по окончании Божественной литургии долго говорил о значении праздника Святой Пасхи. А в ответном слове настоятель мне сказал: «Сегодня не нужно много говорить: весь смысл, вся глубина празднуемого Церковью события заключается в двух словах: Христос воскресе!»

Ваше Святейшество, используя этот духовный и богословский опыт, обращаясь к Вам с вечно живым, всепобеждающим и вдохновляющим приветствием, лучше которого нет на земле: Христос воскресе! И мне хочется к этому добавить, что будучи свидетелями стремительного возрождения церковной жизни в России и видя Ваше постоянное неустанное молитвенное представительство в храмах и монастырях города Москвы, в других епархиях и во многих странах, мы можем с глубокой уверенностью исповедать: воистину Христос воскресе! Потому что, Ваше Святейшество, этого не могло бы совершиться без содействия

Поздравление Святейшего Патриарха Алексия в Богоявленском кафедральном соборе.
Светлый понедельник, 20 апреля 1998 года

Божественной силы Воскресшего Христа! Десятилетиями все разрушалось и уничтожалось злой человеческой волей, а восстает так быстро силой и помощью Воскресшего Господа.

С этими мыслями я прошу Вас, Ваше Святейшество, принять это пасхальное яйцо с церковными символами, относящимися к Вашему Первосвятительскому служению. Да пребывает с Вами неотступно Божественная сила и небесная помощь Воскресшего Христа Спасителя!

Христос воскресе! Воистину воскресе!

20 апреля 1998 года

«Пасха священная нам днесь показася...»

Вновь на русскую землю пришел великий и светлый праздник Пасхи Христовой. В преддверии торжества в столичном киноцентре «Октябрь» на Новом Арбате, по благословению Святейшего Патриарха Алексия, состоялась православная выставка-ярмарка «Вербная неделя», которую посетили многие москвичи и гости нашего города. Около ста семидесяти участников – приход-

ские храмы и монастыри, государственные предприятия и производственные объединения, артели и творческие мастерские со всех концов России, из ближнего и дальнего зарубежья – представили на выставке свои изделия: богослужебные облачения и церковную утварь, иконы и духовную литературу, видео- и аудиокассеты по православной тематике. Большим спросом у покупателей пользовались разнообразные пасхальные сувениры, в особенности нарядные деревянные яйца-писанки.

За несколько дней до Светлого Хristова Воскресения столицу украсили яркие праздничные плакаты и транспаранты с пасхальным приветствием: «Христос воскресе! Воистину воскресе!».

В святую «всепраздненную и спасительную ночь» Пасхи тысячи людей наполнили все православные храмы нашего Отечества. В Богоявленском кафедральном соборе Москвы праздничное богослужение возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Ровно в полночь благовест колоколов возвестил о начале крестного хода. Многие из тех, кого в эту ночь не смогли вместить стены храма, с зажженными свечами стояли на улице, стремясь стать участниками пасхального торжества. Трудно передать радость, охватившую сердце каждого, когда смолк колокольный звон и в наступившей тишине, знаменуя начало пас-

Святейший Патриарх Алексий
и мэр Москвы Ю. М. Лужков
во время праздничного крестного хода

Крестный ход в Пасхальную ночь

хальной утреи, раздались святые и вечные слова: «Христос воскресе! Воистину воскресе!». После праздничной утреи Святейший Патриарх в сослужении архиепископов и духовенства совершил в храме Божественную литургию. На Патриаршем богослужении присутствовал мэр столицы Ю. М. Лужков, члены московского правительства, сотрудники иностранных дипломатических представительств. Президент России Б. Н. Ельцин в день праздника находился за границей, однако еще накануне торжества он направил Святейшему Патриарху Алексию поздравление в связи с Православной Пасхой.

Главному христианскому празднику уделили значительное внимание российские СМИ. Вечером в Великую Субботу в телевизионном эфире прозвучало пасхальное обращение Предстоятеля Русской Православной Церкви к своей многомиллионной пастве. Четыре главных телека-

нала страны вели трансляции ночных богослужений, организованные по благословению Святейшего Патриарха Алексия Православным телевизионным информационным агентством. Праздничную службу из Богоявленского кафедрального собора передавало Общественное российское телевидение, в ходе трансляции осуществлялись прямые включения из Иерусалимского храма Воскресения Христова, православных храмов Японии, Греции, Кипра, а также из Минска, Киева, Кишинева, Ташкента и многих городов России. Каждый репортаж был призван свидетельствовать о том, как «едиными устами и единственным сердцем» прославляют Воскресшего Господа православные христиане всего мира. Зрители российского телеканала «Культура» смогли увидеть ночное богослужение в подмосковном Ново-Иерусалимском монастыре. Телемост между Свято-Троицкой Сергиев-

Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в праздник Святой Пасхи

вой и Александро-Невской лаврами, организованный в праздничную ночь на канале «ТВ-Б. Москва», приобщил верующих жителей столицы к пасхальному празднованию в двух главных духовных центрах России.

В 16 часов Святейший Патриарх Алексий в сослужении многочисленного собора архипастырей, настоятелей и клириков московских храмов, а также представителей Поместных Православных Церквей совершил в Преображенской церкви Храма Христа Спасителя великую пасхальную вечерню, которую также транслировало московское телевидение. За богослужением пел хор Троице-Сергиевой Лавры и Московских Духовных школ и объединенный хор Московского военного округа и частей ПВО.

Его Святейшество поздравил всех собравшихся в храме с праздником Светлого Христова Воскресения. «Никогда, –

сказал он, – так не переживает и не волнуется сердце православного христианина, как в пасхальную ночь, когда мы прославляем Воскресшего Господа и Спасителя, ибо Господь Своим тридневным Воскресением упразднил смерть, даровал нам жизнь Вечную».

В понедельник Светлой седмицы Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную Литургию в Успенском соборе Московского Кремля. Озаренный торжеством светлого праздника, расцвеченный красными с золотом облачениями духовенства и светлыми одеждами прихожан, древний храм, казалось, пробудился от музеиного оцепенения. Вновь, как и многие века назад, под его сводами раздалось ликующее пасхальное приветствие: «Христос воскресе! Воистину воскресе!». После Божественной литургии вокруг храма на Соборной площади Кремля состоялся торжественный крестный ход. В этот день многим священнослужителям были вручены Патриаршие награды, которых они удостоились к празднику Святой Пасхи

Крестный ход на Соборной площади Кремля

за свои пастырские труды, а также за участие в восстановлении православных храмов и возрождении духовных и нравственных основ в жизни общества.

Во второй половине дня Первосвятитель Русской Православной Церкви совершил великую пасхальную вечерню в Богоявленском кафедральном соборе, по ее окончании состоялось традиционное пасхальное поздравление Патриарха. Стремление разделить радость о Воскресшем Господе с Первовиерархом объединило в храме многочисленную московскую паству: руководителей Синодальных отделов, клириков и прихожан церквей города, монашествующих столичных обителей, учащихся воскресных школ и православных вузов. От лица архиастырей, пастырей и всех верных чад Русской Православной Церкви со словами приветствия к Святейшему Патриарху обратился митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. В дар Святейшему Патриарху Владыка Ювеналий преподнес пасхальное яйцо, укрепленное вместо паруса на мачте миниатюрной ладьи.

Отвечая на приветствие, Святейший Патриарх поблагодарил архиастырей, священнослужителей, монашествующих и всех тружеников церковных за их деятельность на благо Церкви. Особую призательность он выразил православным верующим, которые, как подчеркнул Его Святейшество, поддерживают его своими молитвами, своей любовью, своим вниманием. «Сегодня мне передан символичный подарок, — сказал он. — Пасхальное яйцо укреплено на ладье, а ведь корабль — это символ Церкви Христовой. Дай Бог, чтобы наша Святая Русская Православная Церковь в своем плавании по бурному житейскому морю преодолевала рифы и волнения — попытки разделить нас, посеять сомнения в правильности того пути, которым ведет Священноначалие корабль церковный».

Во вторник Светлой недели, когда Русская Православная Церковь совер-

Пасхальное торжество
в Троице-Сергиевой Лавре

шает празднование в честь Иверской иконы Божией Матери, патриаршее богослужение состоялось в храме Воскресения Христова в Сокольниках, где находится чтимый список с этой иконой. Множество людей в этот день пришло поклониться святому образу Царицы Небесной, которая, по твердому упновению москвичей, является Неусыпающей Предстательницей нашего града. После Божественной литургии в Сокольническом храме Святейший Патриарх Алексий также совершил молебное пение перед праздничной иконой в Иверской часовне у Воскресенских ворот. В течении недели Его Святейшество служил в храмах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Покровского монастыря в Хотькове.

Стало уже традицией во второе воскресение после Пасхи в Государственном Кремлевском дворце проводить праздничный пасхальный концерт. 26 ап-

реля двери главного концертного зала столицы гостеприимно распахнулись для гостей музыкального праздника «Пасха в Кремле». Участие в нем приняли многие известные коллективы и исполнители. Открывая торжественный вечер, с кратким Словом к собравшимся обратился Святейший Патриарх Алексий. «Праздник Воскресения Христова, — сказал он, — является основой нашей веры. Апостол Павел говорит: "...если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15, 14). Радость о Воскресшем Господе мы несем в своем сердце и в пасхальную неделю, и в продолжение всего года, потому что каждый воскресный день посвящен воспоминанию Воскресения Христова. Дай Бог, чтобы для всех вас праздник Светлого Христова Воскресения был действительно светлым и радостным, давал мужество и силы преодолевать трудности и испы-

тания, верить в победу Жизни над смертью, Добра над злом». Предстоятель Русской Православной Церкви выразил благодарность Администрации Президента Российской Федерации, мэрии Москвы и руководству Государственно-го Кремлевского дворца за помощь в проведении праздничного вечера.

Затем Его Святейшество посетил Московскую Государственную консерваторию, где принял участие в торжественном открытии дней церковной музыки, которые проходили в рамках X Международного фестиваля православной музыки в России. Перед слушателями выступил хор «Gloriae Dei Cantores» (США), в исполнении которого прозвучали пасхальные песнопения и духовные сочинения русских композиторов. Концерт продолжили выступления хоров Новоспасского и Свято-Данилова монастырей.

О. КИРЬЯНОВА

Освящение закладного камня часовни на Митинском кладбище в Москве

С давних пор на Руси сложилась традиция: возводить православные храмы и часовни в память о значимых для страны исторических событиях и о людях, отдавших свои жизни за Отечество. Каждому известны московские святыни: Храм Христа Спасителя, воздвигнутый в память о победе в войне 1812 года, часовня-памятник grenaderam — героям Плевны, храм святого великомученика и Победоносца Георгия на Поклонной горе, куда ежедневно сотни людей приходят молиться об упокоении воинов Великой Отечественной. В скромном времени в столице появится еще один памятник, связанный с событием нашей недавней истории.

Двенадцать лет назад, 26 апреля 1986 года, произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции. Об-

ако радиоактивного выброса накрыло значительную территорию Украины и Белоруссии, прошло над западными областями России. До сих пор не зажила рана Чернобыля: судьбы десятков тысяч детей и взрослых, подвергшихся облучению, были искалечены навсегда. Многих из них уже нет на земле. В скорбном ряду погибших первыми стоят имена тех, кто отдал свои жизни, защищая страну от последствий аварии: пожарных, военных, ученых, принявших на себя основной удар. Жертвуя собой, они спасли нас и наших детей. Святой долг каждого — помнить об этих людях, воздавая должное их самоотверженному подвигу.

Многие из ликвидаторов чернобыльской аварии похоронены на Митинском кладбище Москвы. Оно возникло совсем

недавно – лишь несколько десятилетий назад, поэтому православного храма здесь нет. 26 апреля 1998 года, в годовщину трагедии, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий освятил на Митинском кладбище Москвы закладной камень часовни в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Она возводится в память всех погибших в чрезвычайных ситуациях, а также при защите конституционного строя Российской Федерации. Часовня будет сооружена при содействии Президента России Б. Н. Ельцина, мэра Москвы Ю. М. Лужкова, Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных бедствий, совета фонда помощи сотрудникам правоохранительных органов, спецподразделений МЧС и членам их семей «Консул» на средства фонда «Преображение», а также на пожертвования предприятий и коммерческих структур.

Для участия в памятной церемонии на Митинское кладбище прибыли пред-

ставители Администрации Президента Российской Федерации, члены российского и московского правительства, депутаты Государственной Думы, министр МЧС России С. К. Шойгу, сотрудники посольств и ученые-атомщики Украины и Белоруссии. На Митинском кладбище в этот день собралось несколько тысяч человек, в числе которых были многие из тех, кто участвовал в ликвидации аварии, родственники и члены семей погибших. Открывая церемонию, Святейший Патриарх Алексий возложил траурный венок к месту захоронения героев-чернобыльцев. Затем состоялось освящение закладного камня памятной часовни, по окончании которого была провозглашена «вечная память» всем погибшим при ликвидации последствий чернобыльской аварии, а также в других чрезвычайных ситуациях. «Двенадцать лет тому назад, – сказал, обращаясь к собравшимся Его Святейшество, – мы столкнулись с ядерной угрозой, с катастрофой на Чернобыльской АЭС, в

Освящение закладного камня часовни-памятника на Митинском кладбище

результате которой погибли многие наши соотечественники, ставшиеся преодолеть эту катастрофу, помогавшие спасению людей и атомной электростанции. Сегодня мы закладываем часовню, которая сооружается на Митинском кладбище в память пострадавших в результате Чернобыльской аварии и в других чрезвычайных ситуациях. В этой часовне будет возноситься молитва о тех, кто служил своим ближним, жертвуя собою "даже до смерти". Мы будем молиться, чтобы Господь даровал им жизнь Вечную в обителях Небесных».

Предстоятель Русской Православной Церкви дал высокую оценку деятельности сотрудников Министерства по чрезвычайным ситуациям, которые ежедневно рискуют своей жизнью для спасения людей: «Они, — подчеркнул Святейший Патриарх, — действительно исполняют слова Христа Спасителя, Который сказал: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя". Празднуя в эти пасхальные дни победу Жизни над смертью, Добра над злом, мы верим, что подвиг тех, кто служил ближним, останется в веках, о нем будут помнить».

B. САФРОНОВ

Во имя возрождения России...

Одним из условий подлинного возрождения России является восстановление единства Православной Церкви и армии. Испокон веков наша армия была православной: вера являлась духовным стержнем народа, из недр которого выходили солдаты — защитники Отечества. Церковь приучала своих чад видеть в ратном труде особое, высокое и жертвенное, служение ближним; основанное на словах Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Недаром в чине Божественной литургии существовало специальное прошение о «христолюбивом воинстве». Долгие десятилетия господства атеизма в нашей стране лишили армейскую службу ее исконного духовного наполнения, и лишь сейчас постепенно восстанавливается некогда прерванная связь. Уже не кажется чем-то невероятным присутствие православных священнослужителей в воинских частях и военных учебных заведениях. Военные, в свою очередь, тянутся к священникам, видя в них защитников духовных устоев Отечества.

В последнее время особенно тесные контакты с Церковью сложились у во-

еннослужащих Ракетных войск стратегического назначения. Укреплению этих связей в немалой степени послужило создание факультета православной духовной культуры при Военной Академии РВСН имени Петра Великого. Этот факультет по благословению Святейшего Патриарха Алексия был открыт в декабре 1996 года; а в нынешнем году из его стен выходит уже второй выпуск.

В понедельник на Светлой седмице в Успенском соборе Московского Кремля после Божественной литургии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий вместе с деканом факультета протоиереем Димитрием Смирновым вручил девяноста пяти выпускникам свидетельства об окончании образования и памятные подарки — книги «Закон Божий» протоиерея Михаила Слободского. Святейший Патриарх отметил, что происходит возрождение существовавшей ранее традиции: «Церковь духовно поддерживает военачальников и воинов, приобщая их к православной культуре — неисчерпаемому кладезю, который собирался на протяжении тысячелетия нашей исто-

рии». «Подвиг воина, — подчеркнул Его Святейшество, — считается жертвенным, богоугодным, ибо он защищает “даже до смерти” Отечество и своих близких. Мы всегда молимся и будем молиться за наше воинство, которое стоит на страже священных рубежей Отечества».

27 апреля 1998 года Святейший Патриарх Алексий посетил военный городок ракетчиков в подмосковной Власихе. Это место связано со многими значимыми событиями отечественной истории. В 1812 году через Власиху прокатились грозные волны наполеоновского нашествия. В 1941 году здесь разместился штаб Западного фронта под командованием маршала Г. К. Жукова, именно отсюда осуществлялась оборона столицы. С 1960 года во Власихе располагается Главный штаб Ракетных войск стратегического назначения. Два года назад по просьбе Главкома ракетных войск Святейший Патриарх Алексий совершил освящение войскового командного пункта, а совсем недавно территорию военного городка украсил первый в его истории православный храм. Замысел его создания возник у военных уже давно. 17 декабря 1996 года епископ Красногорский Савва, Председатель Отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, освятил закладной камень храма. Средства на храм собирали «всем миром». Имена многочисленных жертвователей: конструкторов ракетно-космической техники, ветеранов и военнослужащих ракетных войск, а также курсантов Академии РВ СН внесены в его памятную книгу для вечного поминования.

Менее чем за год был возведен величественный храм, шлемовидный купол которого вызывает в памяти образ русского богатыря — защитника Отечества. Он стал памятником всем, отдавшим свои жизни становлению и развитию Ракетных войск.

Храм преподобного Илии Муромца
во Власихе

Святейший Патриарх Алексий в сослужении архиепископа Костромского и Галичского Александра и епископа Красногорского Саввы освятил оба престола новозданного храма — во имя преподобного Илии Муромца Печерского и святой великомученицы Варвары. Это освящение стало юбилейным — сотым по счету, совершенным Предстоятелем Русской Православной Церкви за семь лет его Первосвятительского служения. Вслед за чином освящения в храме состоялась первая Божественная литургия. На торжественном богослужении присутствовали многие высокие гости, в числе которых были министр обороны России И. Д. Сергеев и главнокомандующий РВ СН генерал-полковник В. Н. Яковлев.

От имени православных воинов-ракетчиков Предстоятеля Русской Пра-

Освящение престола нового храма

вославной Церкви сердечно приветствовал протоиерей Дмитрий Смирнов. Отец Дмитрий передал в дар Его Святейшеству икону святой великомученицы Варвары и преподобного Илии Муромца – Небесных покровителей новоосвященного храма. Памятные иконы были подарены и сослужившим Святейшему Патриарху архиастырям. «Мы верим, что этот храм будет стоять в веках, украшая это историческое место, что он станет местом молитвы, где наши военачальники и воины, члены их семей будут черпать духовные силы, – сказал в ответном Слове Святейший Патриарх Алексий. – То, что в Ракетных войсках стратегического назначения началось наше сотрудничество, то, что здесь построен этот величественный храм, а при Академии Ракетных войск образован факультет православной духовной культуры, – это

знамение времени. Думаю, что люди, владеющие страшным оборонительным оружием осознают, насколько нравственны и духовны они должны быть, поэтому возрождение духовности в нашей российской армии началось здесь, в Ракетных войсках стратегического назначения. Мы осознаем, что у нас одна история, одно Отечество и одно будущее. Средостение, которое искусственно создавалось между Церковью и российской армией, разрушается, так же как средостение между Церковью и народом. Мы осознаем, что все мы в ответе за будущее России».

Его Святейшество вручил награды Русской Православной Церкви большой группе офицеров-ракетчиков, внесших свой вклад в создание храма-памятника. Ордена святого благоверного князя Даниила Московского был удостоен министр обороны России И. Д. Сергеев, которого Святейший Патриарх также тепло поздравил с шестидесятилетним

Святейший Патриарх Алексий совершает освящение храма

юбилеем. В благословение церкви преподобного Илии Муромца, получившей статус Патриаршего подворья, Предстоятель Русской Православной Церкви передал икону святого великомуче-

ника и Победоносца Георгия. Ответным даром Святейшему Патриарху от жителей военного городка стал макет освященного им храма.

O. K.

Праздник в Царицыне

*Кто возглашает силы твоя источниче,
яже неистощаемыми чудесы изобилуя...*

Стихира на «Господи воззвах»
вечерни четвертка Светлой седмицы

6 мая 1998 года в праздник святого великомученика и Победоносца Георгия Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий в сослужении архиепископа Истринского Арсения и епископа Орехово-Зуевского Алексия совершил освящение храма в честь иконы Божией Матери, именуемой «Живоносный Источник» в Царицыне. Храм, расположенный в старинной подмосковной усадьбе, стал действующим всего семь лет назад. Немало трудов пришлось приложить общине, чтобы восстановить былой внешний облик и убранство церковного здания после пребывания в нем множества организаций, каждая из которых вносила свою лепту в его разрушение. Последним «хозяином» здания было Министерство культуры, а точнее – объединение «Союзреставрация», разместившее в храме столярную мастерскую. Чиновники от культуры всеми силами старались отстоять ведомственную собственность от «посягательства» православных.

Храмовое здание освободили лишь в конце 1990 года, а с января 1991-го здесь уже регулярно совершаются богослужения. С первых дней все труды по возрождению храма легли на плечи его нынешнего настоятеля – протоиерея Георгия Бреева. Он и его многочисленные помощники – энтузиасты из числа прихожан проделали огромную работу. За минувшие годы возросла и окрепла церков-

ная община, она постоянно пополняется новыми людьми, в числе которых много молодежи. Многообразна приходская жизнь: при храме действуют воскресная школа, библиотека и православный центр «Живоносный Источник»; активно осуществляется социальное служение.

Крестный ход вокруг освящаемого храма

Освящение престола храма в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник»

Особым праздником для прихожан стал приезд к ним Святейшего Патриарха Алексия, который архиерейским чином совершил освящение трех престолов церкви: в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник», Казанской иконы Божией Матери и великомученика Димитрия Солунского. По окончании богослужения Его Святейшество поздравил отца Георгия Бреева с двойным праздником: освящением храма и днем тезоименитства. На молитвенную память Святейший Патриарх передал царицынскому храму икону святого великомученика и Победоносца Георгия со своей дарственной надписью.

На патриаршем богослужении присутствовал другой именинник – мэр столицы Юрий Лужков, который в Святом Крещении также носит имя Георгий. Его Святейшество тепло приветствовал главу Московского правитель-

ства. «Знаменательно, – подчеркнул он, – что для главы нашего города Небесным покровителем является тот же святой, который является покровителем нашего града и изображен на его гербе, – Георгий Победоносец. Мы знаем те многие труды, которые приходится Вам нести, как мэру города, как главе Правительства града Москвы, а Москва являет пример для многих регионов России». Святейший Патриарх отметил значимый вклад Юрия Михайловича в благоустройство города и восстановление присущего столице исторического облика: «Улицы и площиади города украсшаются прекрасными зданиями, восстанавливаются многие храмы. Среди них на первом месте Храм Христа Спасителя, который восстал Вашими трудами и заботами, затем храм великомученика и Победоносца Георгия на Поклонной горе, Казанский собор на Красной площиади, храм в честь Вла-хернской иконы Божией Матери в Кузь-

Святейший Патриарх Алексий во время чина освящения

минском парке и многие другие. Вы восстанавливаете не только храмы, но и социальную сферу нашего города. Вы думаете и заботитесь о больницах, школах, детских домах. Мы сердечно поздравляем Вас с днем Ангела, желая здоровья, мудрости и сил в служении на благо Москвы и России, потому что на Москву смотрит вся Россия».

В дар Юрию Михайловичу Святейший Патриарх Алексий передал памятный подарок вместе с большим букетом пунцовых роз. Мэр города сердечно поблагодарил Предстоятеля Русской Православной Церкви за теплые слова, сказанные в его адрес, отметив, что в словах Его Святейшества видит не только одобрение совершенному, но и напутствие на то, что еще предстоит сделать. «Сделано многое, — подчеркнул Юрий Михайлович, — за несколько лет количество действующих храмов в Москве выросло. Представьте себе: в главном православном городе России, где люди считали всегда «сорок сороков» храмов Божиих, их было всего сорок шесть. Сегодня в Москве открыто триста одиннадцать церквей, и этот процесс не может закончиться, потому что мы видим еще много не возвращенных нашей Святой Церкви храмов, потому что новые районы столицы очень нуждаются в храмах. Необходимо, чтобы верующий человек везде мог прийти в храм рядом со своим домом».

Ю. М. Лужков передал Святейшему Патриарху Алексию частицу мощей святого великомученика и Победоносца Георгия. Эта великая святыня была получена им из рук Святейшего Патриарха Иерусалимского Диодора во время визи-

Мэр Москвы Ю. М. Лужков передает Святейшему Патриарху частицу мощей великомученика и Победоносца Георгия

та делегации московского правительства в Иерусалим. Она явилась благословением Святого Града Иерусалима столице Православной России, находящейся под Небесным покровительством святого Георгия. Приняв бесценный дар, Святейший Патриарх благословил им всех собравшихся в храме. По словам Его Святейшества, в ближайшее время святые мощи будут переданы в храм великомученика Георгия Победоносца на Поклонной горе и каждый верующий сможет прийти и помолиться перед ними.

Б. К.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В «Журнале Московской Патриархии» № 2 за 1998 год была опубликована статья «История закрытия Саввина Сторожевского монастыря», предоставленная наместником обители игуменом Феоктистом. Автор статьи отцу наместнику был неизвестен. Вскоре после выхода журнала в редакцию обратился А. Любавин, давно занимающийся историей монастыря, и сообщил, что автором статьи является сотрудница Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея О. Яшина. Выражаем ей благодарность.

Международная конференция «Подвиг монашества в отечественной истории»

По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия 27 марта 1998 года в конференц-зале Оружейной палаты Московского Кремля прошла вторая международная конференция «Подвиг монашества в отечественной истории». Она продолжила ряд мероприятий, начатых в прошлом году майской конференцией «Саввино-Сторожевский монастырь как остров-храм» и посвященных предстоящему в нынешнем году празднованию 600-летия основания этой знаменитой звенигородской обители Святой Руси.

Организатором и концептуальным разработчиком как прошлогодней, так и нынешней конференции является Государственная Академия славянской культуры (ГАСК), с которой активно сотрудничают Саввино-Сторожевский монастырь, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, Комитет по культуре Администрации Московской области, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».

В центре внимания конференции, которую открыла ректор ГАСК профессор И. К. Кучмаева, были доклады, посвященные вопросам, связанным с историей появления монашества на Руси, о его месте в отечественной жизни, о трагической судьбе монашества в революционные и послереволюционные годы, о его настоящем и будущем. Докладчики рассказали также о различных аспектах истории Саввино-Сторожевского монастыря, об основателях отечественного монашества, о его связях с византийской, балканской, афонской, палестинской традициями, о формах монашеского служения на Руси, о феномене старчества в прошлом и настоящем и многом другом.

С большим вниманием была заслушана программа предстоящих торжеств по случаю празднования 600-летия Саввино-Сторожевского Звенигородского монастыря, которую огласил его наместник игумен Феоктист (Дорошко).

Среди участников и многочисленных гостей конференции было духовенство Свято-Данилова монастыря, Троице-Сергиевой Лавры, московских и иного-родных храмов.

Большую помощь в проведении конференции оказало руководство музея «Московский Кремль», предоставившее ее участникам и гостям не только помещение, но и бесплатное посещение музеев Московского Кремля и завтрак. В величественных Патриарших палатах регентско-хоровой коллектив ГАСК исполнил русские духовные песнопения. Одним из итогов конференции явится второй сборник докладов, который коллектив ГАСК планирует выпустить к предстоящему юбилею монастыря. Первый сборник, содержащий интереснейшие материалы предыдущей конференции, вышел в свет весной нынешнего года и пользуется большим успехом.

Вся правда об истории Саввино-Сторожевского монастыря, особенно о событиях 1917–1920 годов, связанных с его закрытием, еще не сказана. Будем надеяться, уповая на милость и помощь Божию, что эти плодотворные конференции послужат в дальнейшем мощным стимулом к тому, чтобы очистить историю Саввино-Сторожевского монастыря от той корости лжи, которой старательно покрывали ее в течение многих десятилетий, начиная с 1917 года и до наших дней, псевдоученые историки и «независимые» журналисты.

А. ЛЮБАВИН

**Главному редактору
Издательства Московской Патриархии – 50 лет**

**Преосвященнейший Тихон, епископ Бронницкий,
Главный редактор Издательства Московской Патриархии**

**Поздравление
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия**

Ваше Преосвященство, дорогой Владыка!
Сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой в Вашей жизни –
50-летием со дня рождения.

Прошедшие годы были для Вас насыщены многими событиями. После обучения в Московских Духовных школах Вы трудились в Издательском отделе, затем Господь судил Вам восстанавливать Свято-Данилов монастырь в должности его наместника. Получив архиерейский сан, Священноначалием нашей Церкви Вы были определены возглавить Новосибирскую епархию. И вот ныне Вы отмечаете свой юбилей на ответственном посту Председателя Издательского Совета и руководителя Издательства Московской Патриархии. Вы трудитесь в Первопрестольном граде Москве, что само по себе налагает дополнительную ответственность.

Отрадно сознавать, что благодаря Вашим усилиям сегодня наша Церковь посредством печатного слова имеет возможность более активно осуществлять заботу о духовно-нравственном здоровье общества, свидетельствовать о непрехо-

дящих евангельских истинах, помогать людям обрести столь необходимый душевный мир, веру и надежду.

Во внимание к архипастырским трудам и в связи с 50-летием со дня рождения полагаю справедливым удостоить Вас ордена Преподобного Сергия Радонежского II степени.

В этот памятный для Вас день желаю Вам, дорогой Владыка Тихон, крепости душевых и телесных сил, мудрости, терпения и преуспления в служении на благо Святой Церкви.

С любовью о Господе

2 июня 1998 года

Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ

Поздравление Председателя Отдела внешних церковных сношений

Ваше Преосвященство, дорогой Владыка Тихон!

Ко дню Вашего пятидесятилетия посылаю Вам искренние поздравления и благопожелания.

В юбилейный для Вас год и день с благодарением в Троице славимому и поклоняемому Богу мне приятно свидетельствовать, что церковное служение Вы совершаете с любовью и страхом Божиим, чему во многом способствовали обучение в Московских Духовных семинарии и академии и в аспирантуре при академии, а также пребывание после монашеского пострига в числе братии в Лавре Живоначальной Троицы и преподобного Сергия, игумена Радонежского, где Вы духовно назидались подвигами ее благочестивых насельников и их молитвами.

Богу содействующу Вы успешно совмещали свое обучение с иноческим послушанием, диаконским и священническим служением, а также с трудами в Издательском отделе Московского Патриархата.

Богатый духовный и жизненный опыт Вы стяжали на посту наместника Московского Свято-Данилова монастыря, много потрудившись для восстановления этой святой обители и возрождения в ней иноческого делания.

Промыслом Божиим Вы были призваны к архиерейскому служению, и Священноначалие Русской Православной Церкви определило быть Вам епископом Томским и Новосибирским, где Вы окормляли вверенную Вам паству, ведя ее по стезям доброделания и спасения.

В последние годы Вы успешно несете новые ответственные обязанности в Издательстве Московской Патриархии, которые выполняете с неизменной принципиальностью и доброжелательностью.

Дорогой Владыка! Молитвенно празднуя Ваш пятидесятилетний юбилей, прошу Всемилостивого Бога даровать Вам доброе здоровье и все потребное для дальнейшего успешного служения, к которому Вы призваны Господом и Его Святой Церковью

С братской о Христе любовью

Председатель Отдела внешних церковных сношений

Московского Патриархата

митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ

2 июня 1998 года

Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого)

Архиепископ Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий) родился 13 сентября 1886 года в селе Липицы Каширского уезда Тульской губернии в семье священника. Дед будущего святителя, Петр Троицкий, служил в этом же селе. В памяти прихожан его образ сохранился как человека необыкновенного. Когда он умирал, все жители села пришли к нему проститься и получить от него последнее благословение. Жена отца Алексия Троицкого умерла рано, и ему пришлось воспитывать детей, которых у него было пятеро: три сына и две дочери. Два сына – Владимир и Дмитрий – стали епископами, третий сын, Алексей, – священником. После смерти жены отца Алексия большое участие в воспитании сирот приняла ее сестра, Надежда. Она была незамужняя, работала учительницей в церковноприходской школе, и когда, бывало, Владимира не с кем было оставить, брала его с собой на занятия. Владимир рано выучился читать, с пяти лет он стоял на клиросе, читал часы и шестопсалмие.

Первоначальное образование будущий святитель получил в Туле – в Духовном училище, затем в семинарии и был послан на казенный счет в Московскую Духовную академию для продолжения образования.

Владимир Алексеевич поступил в Академию в 1906 году, «когда чад и угар революционный, проникший и за стены Академии – как писал об этом один из современников, – только что начал рассеиваться, но не исчез еще окончательно». И Владимиру Алексе-

Владимир Троицкий,
студент МДА

вичу пришлось много пережить, видя, как он говорил, «позор Академии, про-менявшей светлые ризы чистой и трезвой науки на яркие, но грязные разно-цветные лохмотья уличной политики», позор той Академии, которую он любил, как «свою возлюбленную невесту». Но гроза не прошла бесследно для Владимира Алексеевича: его все анализирующий ум не мог успокоиться, пока не отыскал причины, почему про-несшийся шквал захватил столь широкие круги образованного русского общества; одним из главнейших условий, определивших такой масштаб движения, была бездуховность нашего обще-

ства в его массе, утратившего связь с Церковью, порвавшего с ее исконными традициями... Как только это определилось с достаточной ясностью, он посвятил свои обязательные сочинения и свои досуги разработке вопроса о Церкви и церковности.

Еще учась в Академии, Владимир Алексеевич стал обнаруживать себя как крупнейший русский богослов, сосредоточив свое внимание на историко-догматической апологии девятого члена Символа веры, то есть на раскрытии православного учения о Церкви. В Академии, студентом, а затем преподавателем, им были написаны и опубликованы работы: «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры», «Триединство Божества и единство человечества», «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» и другие.

В 1910 году Владимир Алексеевич Троицкий окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия и был назначен исправляющим должность доцента по кафедре Священного Писания Нового Завета. С этого времени началась его преподавательская деятельность, которая продолжалась до самого закрытия Духовной академии и принесла много плодов как на поприще непосредственно преподавания, ибо в его лице Духовная академия обрела глубоко православного ученого богослова, так и в области богословских исследований. Как и во время учения, он тщательно готовился к лекциям, но теперь взял себе за правило: написав лекцию в тетрадке, всегда оставлять ее дома и читать, не пользуясь никакими записями. Сначала было, конечно, боязно, но затем он так освоился, что эта привычка придавала ему даже особенную уверенность, он стал чувствовать себя на кафедре сначала Духовной ака-

демии, а потом и церковной на своем месте, точно для него созданном.

В свободные от преподавания часы Владимир Алексеевич писал магистерскую диссертацию на тему «Очерки из истории догмата о Церкви». Этой теме, вообще значению Церкви в современном мире он придавал огромное значение, видя, что девятый член Символа веры стал камнем преткновения и соблазна для современных людей. Для него было существенно важно живое слово истины, душа его искала этого слова и насыщалась им; для него не существовало формального знания, богословие было для него прямо связано с жизнью, было тем, без чего невозмож но обходиться ни одного часа.

Весной 1912 года Владимир Алексеевич закончил работу над магистерской диссертацией и подал ее для прочтения рецензентам.

Уже не в первый раз он летом во время каникул отправлялся в путешествия, чаще всего за границу. Имея любознательный характер, он хотел все повидать и узнать, чем живут люди в каждой стране, как они ощущают истину Христову и живут ли ею вообще. Летом 1908 года он объехал западноевропейские страны и побывал в Сербии. Теперь он посетил Германию, Швейцарию и Францию. Ему было важно увидеть плоды европейской культуры – католичества и протестантства, для него жизнь вполне продолжала его ученые занятия богословием, а благочестие полагало основы для объективного видения окружающей жизни.

Посетив после путешествия родное село, Владимир Алексеевич вернулся в Сергиев Посад, где принялся за печатание магистерской диссертации, работа над которой заняла два года. Рецензенты – профессора С. С. Глаголев и М. Д. Муретов – весьма высоко отозвались о труде автора. В своем отзыве С. С. Глаголев писал: «Такие книги, как книга г. Троицкого, не часто явля-

ются на Руси. Появление их есть праздник богословской науки». Свой отзыв профессор М. Д. Муретов закончил словами: «Если бы от меня зависело, я без всяких колебаний признал бы диссертацию Троицкого вполне достойной не только магистерской, но и докторской». 16 января 1913 года Владимир Алексеевич был утвержден в звании магистра богословия. За лучшее магистерское сочинение Владимиру Алексеевичу была присуждена премия митрополита Московского Макария.

Однако сам автор ни от таких отзывов, ни от присуждения премии ничуть не возгордился. Руководствуясь высокими критериями, каким должна соответствовать работа на столь ответственную тему, он понимал, сколько еще нужно было сделать и изучить, чтобы раскрыть ее насколько возможно широко и достойно такого драгоценного предмета, как Церковь. Как глубокий богослов и смиренный человек, он был достаточно защищен от уязвляющей душу гордости, которая могла бы обнаружиться после высоких похвал уважаемых профессоров.

После защиты диссертации Владимир Алексеевич отправился в путешествие в Киев и в Житомир. Здесь он встретился с епископом Прокопием (Титовым), с которым он был весьма дружен, и участвовал с ним в богослужениях. Вместе с ним он в этот приезд много раз бывал у архиепископа Антония (Храповицкого), к которому, как и многие студенты Духовной академии, желавшие принять монашество, относились с большим уважением.

Подошел Великий пост 1913 года, подошло и время перехода Владимира Алексеевича к иному пути. В детстве он получил строго православное воспитание; можно сказать, что его главной воспитательницей была Православная Церковь, с ее возвышенным, ни с чем не сравнимым богослужением, с воспитывающим волю к добру Уставом. Лишь

Владимир Троицкий,
преподаватель МДА

стал студентом и приступив к писанию работ о Церкви, он смог осознать и понять то, что чувствовал с детства. Теперь он знал, за что и почему любил православное богослужение, и эта любовь, соединенная с желанием единения, привела его к мысли принять монашество. Останавливало только одно: он знал, что, став монахом, не будет свободен в выборе церковного послушания и может быть определен на любую церковно-административную должность, к чему он не чувствовал в себе ни малейшего призыва. Иночества, молитвы, научных занятий – вот чего он жаждал для своей души. Но в выборе любого жизненного пути есть риск, что найдя то, что желаешь, найдешь и то, чему противится душа. Наконец Владимир Алексеевич все же решился и в день празднования Торжества Православия подал прошение о пострижении.

Постриг был назначен на 28 марта в пустыни Параклит, находившейся неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры.

Владимир Алексеевич сам выбрал эту уединенную сюровую пустынь для своего пострига. Популярность молодого доцента среди профессоров Академии и студентов была столь велика, что на постриг приехали многие преподаватели и студенты.

После того как постриг был совершен, Преосвященный Феодор (Поздеевский), выйдя на амвон, сказал новому иноку напутственное слово: «Истина Христова проста, и лишь сами люди усложнили и усложняют ее различными мирскими и житейскими мудрованиями. Эта истина в том, что самое ценное, самое важное для жизни – это выяснение в своем внутреннем человеке образа Христа. Он, этот образ, бывает темен, как темен лик на древней иконе; но как опытный художник может очистить его от копоти времени и позднейших наслоений, так и живущий в нас нетленный Лик Христа можно освободить от посторонних теней. Это можно сделать слезами, терпением, борьбою, причем эта борьба может быть и не без крови, значит, и не без жертвы. Нужно быть готовым жертвовать ради высшей цели всем, как бы дорого нам что-либо ни было, как бы важно ни казалось. Ради этого следования Христу должно пожертвовать и наукой, и Академией, потому что они без Христа – ничто, а во Христе всякий везде может принести пользу больше, чем в свещнице академической науки. Пример тому – великие подвижники и древних и новых времен, которые, сами того не желая, оказывались славными в делах государственных, следя только Христу и монашеским обетам!..»

Перед принятием монашества Владимир Алексеевич писал своим родственникам: «Простите меня, дорогие мои, за все мои преступления против вас, ведомые и неведомые. Земно кланяюсь вам и прошу забыть все злое мое. Помолитесь за меня, особенно 28 вечером (около девяти часов), когда бу-

дет в Параклите мое пострижение в монашество. Иду в путь свой светло и с радостью. Теперь уже томлюсь, – скорее бы загородиться от преследующего меня по пятам мира черными одеждами. Прошу вас всех не отворачиваться от меня и впредь своею любовью. Простите!» И через месяц: «Итак, вот уже почти месяц, как я монах. Много пережито, много перечувствовано. Будто какая высокая волна подняла меня, да и до сих пор еще не отпустила. 28 марта в Параклите состоялся мой постриг. Что я пережил, не умею рассказать, но после почувствовал себя помолодевшим, совсем мальчиком. В духовной радости пробыл пять дней в храме. Вернулся в Академию, но еще до сих пор не вернулся к своим прежним делам. Началась Страстная, Пасха... Все это в нынешнем году для меня было особенное. В Великий Четверг впервые прошел царскими вратами – посвящен в сан иеродиакона и начал ежедневную почти службу, которая каждый раз доставляет мне великое утешение. В прошедшие дни моего монашества я переживал преимущественно чувство радости и душевного мира.

Что я теперь духовный, это меня почти не удивляет: как будто так и следовало, – даже странным стал казаться прежний светский вид. К новому имени привык, хотя и мирское еще не забыто. И так в радости встречал я Светлый праздник “от смерти бо к жизни Христос Бог мя приведе”.

Вместе с куцыми одеждами сброшено что-то такое, что тяготило, беспокоило; стало легче, покойнее. Говорят опытные люди, что это всегда новоначальному монаху подается вкусить душевного мира, чтобы он знал, ради чего должен он подвизаться при всех будущих искушениях.

А все же своих мирских друзей вспоминаю очень часто. Думается мне, что в отношении к ним и в монашестве я не имею повода перемениться. Инте-

ресно, конечно, как вы рассуждаете обо мне теперь: "Пропал человек неизвестно из-за чего". "Что сделал с собой?" Эх мир, мир! Я мир понял и примирился с ним, и очень жаль, что мир вовсе не хочет примириться с монашеством. А стоит только сознаться: ведь не одна же форма жизни должна быть для всех. Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалейте, а сорадуйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый».

11 апреля он был рукоположен в сан иеродиакона; 2 июня, на Троицу, — в сан иеромонаха. Прошло всего два месяца, как он был пострижен, и случилось то, чего он больше всего опасался, ради чего откладывал постриг — 30 мая он был назначен на административную должность инспектора Московской Духовной академии. 5 июля 1913 года он был возведен в сан архимандрита; это был самый молодой архимандрит и профессор в России того времени.

С получением нового назначения жизнь его совершенно переменилась. Он писал родным: «Сейчас чувствую больше всего одно: совершенно выбит из колеи, разрушены до основания мои планы и намерения касательно ближайшего будущего, а оно у меня намечено было на целые годы. Настроение подавленное. Дел целая куча, в квартире базар, человек пятьдесят в день перебывает. Письма, телеграммы... Отвечать нужно, а иногда едва одно письмо за день написать ухитришься. Да и нескоро войдешь в новую колею. Летом, по крайней мере июль весь, придется сидеть в академии: буду я в своей особе совмещать и ректора, и инспектора, и помощника инспектора... Роптать не ропщу, потому что монах — церковная вещь. Личной жизни у него нет — один. Куда поставят — берись и работай. Три года уж каникул у меня не было, на нынешние было рассчитывал, но вышло не по-моему. Слава Богу за все!»

Через год, подводя вкратце итог прожитому, архимандрит Иларион писал родным: «Хорошая вещь монашество, но оно прошло мимо меня почти мельком. Беда моя вся в том, что у меня нет одиночества, а без одиночества мне жить трудно: теряется покой. Уж это хуже чего нет, если беспокойство и огорчение гонятся даже в твое жилье... В науке застой... грехов всяких чуть разве поменьше прежнего, а душевного покоя совсем незаметно. В этом не монашество виновато, а инспекторство мое. Инспектор я плохой...»

Впрочем, здесь сказывался не столько недостаток способностей к исполнению административной должности, сколько недостаток опыта, благодаря которому можно было отличить события важные, требовавшие применения административных мер, от несущественных. Скоро, однако, все происходящее окрасилось особыми переживаниями — началась Первая мировая война, и было предчувствие, что ее последствия никого не оставят незатронутыми. Первые месяцы после начала военных действий архимандрит Иларион иногда целыми днями читал газеты, пока фронт не стабилизировался и стал вырисовываться затяжной характер войны. В тот год Академия праздновала столетний юбилей. Теперь по служебному положению архимандрита Илариона все праздники и юбилеи непосредственно его касались, но в этом году из-за начавшейся войны юбилейные торжества были отменены, не было даже обычного ежегодного акта.

Когда началась война, во время всенародного молебства на площади в Сергиевом Посаде, архимандрит Иларион обратился к собравшимся: «Православные русские люди! Не с радостью пришли мы сюда. Нет, не с радостью... Грозная туча народного горя и народной беды нависла над родиной нашей. Не капли дождя — капли слез горючих, капли крови алой, бесценной па-

дают из этой тучи ужасной на землю родную. Может быть, суждено пролиться целым потокам крови и слез. Отечество в опасности! Отечество в нужде и обстоянии! Отечество требует жертв от нас. Оно уже у многих из нас взяло родных и близких и – кто знает? – взяло, может быть, навсегда. Оно требует имений наших и даже самой жизни нашей. В наступающие дни нам всем придется немало перестрадать сердцем и душой.

Пробил грозный час суда над Русской землей. За последние десять лет мы все немало грешили. Мы, русские люди, допустили в нашей родной земле распространиться неверию. У нас не было прежде развращение нравов. Мы, русские люди, грешны пред нашей славной историей. Мы грешили пред памятью и заветами наших предков. Мы грешны пред нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Разучились любить Царя и Родину. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и превозносить все чужое.

Пришел час искупить пред Богом наши народные вины, наши народные грехи...»

В 1915 году думское духовенство составило «Записку», в которой были следующие строки: «Нынешние семинарии не умеют привить своим питомцам искренней веры и сердечной любви к Церкви. Из многих недостатков Духовной школы следует прежде всего указать на неудовлетворительный подбор руководителей школ, которые по преимуществу выбираются из монашествующих лиц, в большинстве случаев молодых и малоопытных в педагогическом деле. Можно указать на сотни случаев, когда монах, почти только что сошедший со студенческой скамьи, в 25–26 лет назначается смотрителем или инспектором семинарии».

Ложь думских политиков была настолько возмутительна, что архимандрит

Иларион счел своим долгом ее опровергнуть. Чтобы не быть голословным, он поднял отчеты обер-прокурора за 1913 и 1915 годы. Из официального отчета выходило, что монахов среди учащих в Духовных учебных заведениях было всего 2,7%, гораздо больше – белого духовенства, но основная часть – светские люди. По официальному отчету, среди лиц, занимавших в Духовных учебных заведениях административные должности в 1915 году, светских было 60%, белого духовенства – 30%, монахов – 10%.

Приведя эти цифры, архимандрит Иларион написал в заключение: «Где же преимущественное назначение в руководители школ лиц монашествующих? Где обещанные сотни 25–26-летних монахов на инспекторских и смотрительских местах?

Если подбор руководителей Духовных школ неудовлетворителен, то почему в этом виноваты только монахи, если их на административных постах только 10%, а вообще на духовно-учебной службе и всего лишь 2,7%.

Но я ни на минуту не сомневаюсь, что статистически опровергаемая неправда будет неустанно повторяться и в печати, и в обществе, истина невыгодная – никому не дорога!»

В августе 1916 года во вступительном чтении в Московской Духовной академии архимандрит Иларион сказал: «Ныне мы опять переживаем тяжелую Отечественную войну и снова воочию видим неприглядную изнанку европейской культуры. Неужели и эта война пройдет бесплодно для русского общества, как без пользы пережита была Отечественная война сто лет назад? А ведь у нас и теперь раздаются голоса о том, что мы воюем не с западноевропейской культурой, а только с прусским милитаризмом. А эта война, казалось, могла бы научить русских людей многому, – прежде всего тому, что для излечения разъедающих русскую душу

ран необходимо раскаяться в двухвековом грехе против Церкви, возвратиться всем к вере отцов и дать Православной Церкви прежнее место в жизни государственной и общественной. Перед началом войны Церковь в России была унижена до крайности. Прежде, по Регламенту, Церковь была подчинена Государю; это можно было оправдывать. Но русский монарх призвал к жизни конституционные законодательные учреждения. Церковная жизнь в новом законодательстве совершенно не выделена из круга ведения представительных учреждений. И теперь юридически обсуждать и решать многие вопросы даже внутренней церковной жизни получили право и Фридман, и Чхеидзе. Порабощение Церкви государством достигло окончательного развития. И это в то самое время, когда и раскольники, и сектанты, часто вредные России, выросшие из немецкого семени, получили полную свободу. Открываешь газету и видишь, как легко раскольникам собраться на собор. Вспоминаешь, как и высланный теперь из России Фетлер устраивал съезды баптистов в древней православной Москве. И только Православная Церковь не может составить Собора и поставить на нем законного главу, согласно 34-му апостольскому правилу!

Тяжело иногда бывать в Московском Успенском соборе. Это тогда, когда видишь там людей не молящихся, а “осматривающих достопримечательности”. Эти люди ходят по собору, будто по музею. Даже раки святителей Московских ничего им не говорят, и они пред ними не только не поклоняются, даже не перекрестятся. Но пришлось мне в этом году служить в Успенском соборе раннюю обедню. Едва добрался до алтаря – так наполнен был собор простым народом. Бесконечные вереницы богомольцев шли и благоговейно лобызали моши великих святителей во всех четырех углах собора. Понял я, что жива еще русская душа и древний священный со-

бор не обратился для нее в бесчувственный археологический музей, за какой его почитают чуждые церковной жизни интеллигенты! Но еще больнее, чем всегда, было видеть пустое патриаршее место! Хотелось воскликнуть: доколе, Господи! Когда же взойдет на это место верховный пастырь русского народа, возьмет в свои святительские руки свирель и палицу и соберет в единое Христово стадо всех русских людей, включая тех горохищных овец, которые разбежались теперь по Воробьевым горам и пасутся по чужим и вредным пажитям?»

С 7 по 14 июля 1917 года по благословению Святейшего Синода в Московской Духовной академии состоялся съезд ученого монашества, на котором присутствовало около семидесяти монахов. На съезде обсуждалось положение ученого монашества на учебной и неучебной службе. Было решено создать братство ученых монахов, утверждалась необходимость иметь этому братству свои монастыри и учебные заведения. На съезде был поставлен вопрос о том, чтобы сделать Духовную академию чисто монашеской, с подбором профессоров из числа монашествующих.

Горячим сторонником такого рода реформы был епископ Феодор (Поздеевский). Пред его взором предносился идеал строго монашеского, аскетического и строго православного учебного заведения. Этот идеал, страстное желание чаемого затмевало видение действительности, того, что русская жизнь стала далека от этого идеала и попытка осуществить его административным путем ни к чему, кроме как к катастрофе, привести не могла. Большинством в тридцать голосов против девятнадцати при остальных воздержавшихся была проведена резолюция, сторонником которой был епископ Феодор: «Съезд ученого иночества считает необходимым, чтобы церковный собор в ограждение

Епископ Верейский Иларион, викарий
Московской епархии. Москва (1920 год?)

чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академий на началах автономности, оставил хотя одну из существующих академий не затронутой этой реформой, реорганизовав ее на началах строго церковных в смысле устава дисциплины и быта, обеспечив ее профессорами из лиц священного сана (преимущественно монашествующих), а равно и мирян строго церковного настроения и сделав ее органом проявления деятельности братства».

Голосовавшие против этой резолюции профессора Московской Духовной академии архимандрит Иларион и иеромонах Варфоломей (Ремов) подали свое отдельное мнение: «Считая желательным, чтобы церковная власть организовала одну Духовную академию с особым уставом, определяющим ее управ-

ление и быт на строго церковных началах, не находим, однако, никакой возможности согласиться с принятой съездом резолюцией. Особая академия в резолюции предлагается «в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академии на началах автономности». В этих словах резолюции выражено осуждение существующих академий, совершенно ими не заслуженное, потому что считать профессоров академий врагами православной веры нет каких-либо достаточных оснований. История академической науки вообще заставляет с большой осторожностью бросать профессорам академий обвинение в неправославии, так как общеизвестны факты, когда положения ученых работ, поспешно объявленные вредными для Православия, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозит какой-либо особой опасностью для Православной богословской науки и вводимая в жизнь академическая автономия, потому что деятели академические остаются те же, и автономия не сделает их врагами Церкви, какими они не были раньше...

Признавая небесполезным устройство особой церковной академии, не можем, однако, желать, чтобы эта академия была сделана органом проявления деятельности монашеского братства. За последнее время церковная власть препятствовала образованию ученого монашества в тесном смысле этого слова, направляя академических монахов обыкновенно по пути церковно-практической деятельности и не давая монахам возможности надолго оставаться на академических профессорских кафедрах. Поэтому нельзя не признать того факта, что ученое монашество в настоящее время в общем не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения. Та программа деятельности, которая предлагается для обра-

зумого монашеского братства, носит характер по преимуществу практический. А потому это братство мы и не можем считать достаточно авторитетным в глазах широкого церковного общества для того, чтобы иметь своим органом, между многими другими, и высшую богословскую школу. Мы очень опасаемся, как бы братство на первых же порах своего существования, взявшись за непосильное дело, не доставило радости своим недоброжелателям».

После революции в феврале 1917 года, с открытием Поместного Собора, архимандрит Иларион почти все время посвящал Собору. На страницах «Богословского вестника» он так описывал обстановку, при которой начинался Собор: «Церковный Собор... За последние двенадцать лет эти слова не сходили с уст всех церковных людей, не сходили со страниц духовной и светской печати, слышались с высоты парламентских трибун. И однако... Собора все не было. Будто какое заклятие висело над соборной жизнью Церкви Русской. Высочайшая резолюция 31 марта 1905 года на докладе Святейшего Синода о созыве Собора: “Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности, каково созывание Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления”. Годы шли за годами; в несколько изменившихся условиях государственной жизни положение Православной Церкви становилось невыносимым. Церковная жизнь приходила все в большее и большее расстройство. За Русскую Православную Церковь болели душой даже и чужие для нее люди. Прежде гонимые религи-

озные общины получили свободу. В древней православной Москве беспрепятственно заседали соборы раскольников, собирались съезды баптистов. Для Православной же Церкви все еще не наступало лето благоприятное. Самодержавие царское, по петровскому идеалу образовавшееся, все время было враждебно к самостоятельности русской национальной Церкви и в этом отношении, себе на погибель, осталось верно себе до самого конца. Потребовался стихийный переворот, ниспровержение самого царского престола, чтобы наступило и для Православной Церкви благоприятное время созвать Собор, которого она лишена была двести тридцать пять лет. Отношение царствовавшей династии к Православной Церкви – это исторический пример неблагодарности. Триста лет назад Церковь требовала национальной династии, отвергая династию иноверную. Первосвятитель Русской Церкви Святейший Патриарх Ермоген претерпел за идею национальной династии мученическую кончину. А эта династия скоро обратилась в совершенно чуждую русскому народу, уничтожила Патриаршество, поразила пастыря Русской Церкви и лишила рассеянных овец возможности собираться воедино, доведя тем самым Церковь до крайне бедственного состояния. Ужасным позором и тяжким всенародным бедствием оканчивается петербургский период русской истории...

Состав Собора также пестр и многообразен, как сама стомиллионная Российская Православная Церковь...

И радостно было видеть эту разнообразную массу соборных членов, и вместе с тем жутко и боязно. Радостно потому, что наконец осуществилась мечта многих поколений русских православных людей о возвращении Церкви канонического соборного управления, так нагло в ней поруганного со времен Петра. Боязно потому, что так долго не было соборов, так много накопилось в

церковном теле недоразумений, взаимного непонимания, иногда вражды и недоброжелательства. Эти люди столь разнообразны, столь далеки друг от друга, так отвыкли друг от друга – смогут ли они объединиться в общей любви и единомыслии, понять друг друга, оценить друг друга, простить друг другу прошлое ради лучшего будущего? Все эти тревожные вопросы неотступно волновали мысль и создавали беспокойное состояние духа.

Были моменты особенного духовного подъема. Таков был момент открытия Собора после Литургии в Успенье. Со всей Москвы собирались крестные ходы во главе со святителями. На помосте среди собора в полном облачении стояло несколько десятков святителей Русской Церкви. К ним присоединилось множество архимандритов,protoиереев и иереев. Члены Собора – миряне вышли на середину же собора. Первосвятитель – Киевский митрополит читает краткую грамоту об открытии Собора. Члены Собора запели Символ веры. Момент был потрясающий, у многих на глазах слезы. Тотчас длинной вереницей члены Собора вышли из собора, прошли к святителю Алексию в Чудов монастырь и направились на всенародное молебствие на Красную площадь. Ясный солнечный день, площадь залита многими тысячами народа, целый лес хоругвей возвышается над чернеющей толпой. По особому чину совершено было молебствие на Лобном месте и среди хоругвей члены Собора через Никольские ворота возвратились в Кремль. Около иных хоругвей стояли почти целие приходы православных москвичей со своими духовными пастырями. Иные приходы встречали проходящий мимо Собор пением тропарей. Во все время пути слезы невольно застилали глаза. То были слезы умиленной радости, согревающей сердце и умягчающей душу...»

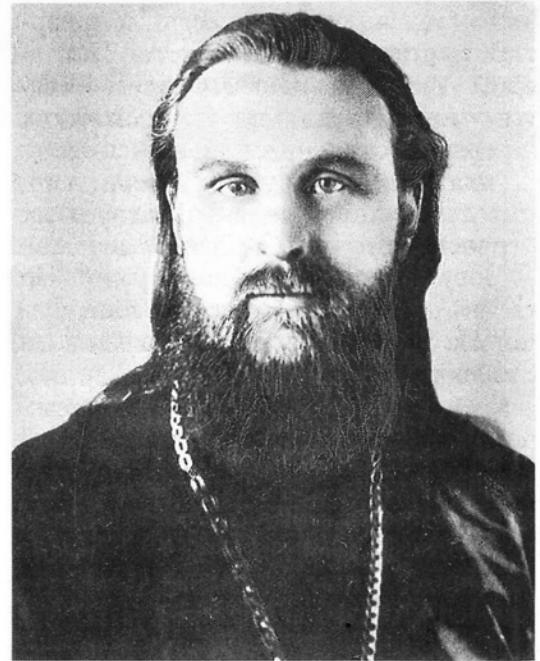
Событиями, происходящими на Соборе, интересовалась тогда вся Акаде-

мия, все профессора и студенты. Когда стало известно, что Собор предполагает восстановить Патриаршество, то мнения в Академии разделились. Часть профессоров и студентов выражали суждения о нежелательности восстановления Патриаршества, которое может воспрепятствовать начинающимся “свободам” и поведет к постановлению “царя церковного” вместо смешенного “царя земного” и может узурпировать власть Собора. Узнав, что в Академии высказываются мнения против восстановления Патриаршества, архимандрит Иларион срочно приехал из Москвы в Сергиев Посад и вечером того же дня прочел в Академии лекцию на тему: «Нужно ли восстановление патриаршества в Русской Церкви?» На лекции присутствовала почти вся профессура и все студенты. Лекция продолжалась около трех часов. Архимандрит Иларион рассказал о патриаршем периоде в Русской Церкви. Затем рассказал, какие беды произошли от того, что цари, уничтожив Патриаршество, сделали как бы законным вмешательство в дела Церкви светских людей, чиновников, многие из которых были иноверцы, часто карьеристы, готовые забыть о Царе Небесном ради угождения царю земному, а иногда и совершенно неверующие люди. Возражая тем, кого смущали границы патриаршей власти, отец Иларион сказал: «Теперь наступает такое время, когда не царским венцом будет венец патриарший, скорее, венцом мученика и исповедника, которому придется самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского».

Лекция завершилась бурными аплодисментами почти всех присутствовавших, среди которых едва ли еще оставались люди, убежденные в необходимости синодального устроения Русской Православной Церкви. Архимандрит Иларион мог со спокойной душой вернуться в Москву на Собор.

Сбывались чаяния отца Илариона о восстановлении канонического строя Русской Православной Церкви. Но на Соборе Патриаршество имело и своих противников, зачастую смотревших на Православную Церковь не как на Богом основанную и управляемую Духом Святым, а как на земное учреждение и организацию, для которой важны рамки прав и обязанностей, имеющих, скорее, земной юридический характер. Архимандрит Иларион выступил на Соборе с речью в защиту Патриаршества. «Везде и всегда, — говорил он, — меняются формы Высшего Управления Поместных Церквей, меняются сами Поместные Церкви, но неизменно сохраняется тот закон Высшего Управления, по которому оно возглавляется Первовиерархом. Имена и объем власти первовиерарха изменяются, но непоколебимо стоит сам принцип Первовиерарха в каждой Поместной Церкви.

Печальным исключением является наша несчастная Русская Церковь со своим Синодом. Вся Вселенская Церковь Христова до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без Первовиерарха. Никогда и Русская Церковь не была без Первовиерарха. Наше Патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Но не во время ли Патриархов было особенно много у нас Соборов? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас Патриаршество. Кому же?.. Московскому единодержавию, преобразованному Петром в неограниченное самодержавие, помешало Русское Патриаршество. В столкновении с государственной властью угасло на времена Русское Патриаршество, и во главе Русской Церкви стала неведомая всей Христовой Церкви коллегия, в которой скоро воцарился дух монарха, потому что приставленный к ней обер-прокурором какой-нибудь гусар “сонном архиерейским, как эскадроном на ученьи, ко-

Владыка Иларион. Москва. (1923 год)

мандовал”. Учреждение коллегии было, во всяком случае, новостью в Церкви Христовой; новость эта создана была по голландско-немецким образцам и вовсе не ради пользы церковной...

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против Патриаршества. Отцы и братие! Не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагодарную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (см.: Деян. 5, 39)! Мы и так уже согрешили, согрешили тем, что не восстановили Патриаршества два месяца назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое патриаршее место? Разве не обидно было видеть, что Московский митрополит за всенощной под Успенье стоял где-то под подмостьями? Разве не горько

было видеть на историческом патриаршем месте грязную доску, а не Патриарха? А когда мы прикладывались к святым мощам чудотворцев Московских и первопрестольников Российских, не слышали ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их первосяятительская кафедра?..

Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа, должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Российский от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, тогда будет великая радость на земле и на Небе».

В значительной степени благодаря выступлению архимандрита Илариона прекратились словопрения по поводу Патриарства, голоса противников умолкли, загражденные мужественно произнесенными словами правды, и само слово, хотя и было высказано одним человеком, но прозвучало как голос Церкви, против которого могли возражать только прямые ее враги.

После прихода к власти большевиков сразу же начались гонения на Церковь, и уже 10 марта 1919 года архимандрит Иларион был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Своим близким он писал из тюрьмы: «Поздравляю Вас с праздником. И приехал бы я на празд-

ник, да непускают меня. Завтра исполнится два месяца, как я арестант и продолжу состоять таковым, а сколько мне остается быть таковым – не знаю. Вызывали меня к следователю. “Дело” мое и следователю показалось смешным, и вины он никакой не нашел. “Завтра, – говорит, – об этом доложу в коллегии”. Увы! После допроса прошло 16 дней, а я ничего о себе не знаю. Вопрос: почему? – в нашей славной республике вообще ведь неуместен.

Живу я по-прежнему хорошо: совсем здесь обжился, будто так и нужно. Здесь я даже поправился, потолстел, физически чувствуя себя совсем хорошо. Чтобы усилить циркуляцию крови, начал я ходить на работу, например выкачивать воду из тюремных подвалов. Хорошо, что несколько часов проведешь на воздухе и немного мускулы разовьешь. За работу еще фунт хлеба прибавляют. Питаюсь по настоящему времени прекрасно. Время идет незаметно; даже досадно, что, например, книги медленно читаются. Жизнь идет размеренная, правильная. Будь все это где-нибудь в хорошей местности – прямо санаторий. Весна что-то плохо о себе заявляет в природе, а потому както не обидно быть за стенами и решетками...

Сейчас в камере собралось у нас три профессора. Читаем время от времени лекции, прошли курс стенографии. Прямо считаю нужным сказать, что эти два месяца прожил я и не без пользы, и даже интереснее, чем жил вне тюрьмы».

По-видимому, это первое его тюремное заключение продолжалось около трех месяцев.

24 мая 1920 года, в полдень, в храме Троицкого Патриаршего подворья состоялось наречание архимандрита Илариона во епископа. При наречении архимандрит Иларион, обращаясь к Патриарху Тихону и присутствовавшим здесь архиастырям, сказал:

«В сей наречения день благодарю Бога, глубиною мудрости человеколюбно вся о мне строившего и всегда полезная мне подававшего.

Благодарю Бога, из небытия в бытие меня приведшего и подавшего мне в наслаждение высочайший дар Своей любви и благости – бытие, озаренное сознанием.

Благословен Бог, просвещая и освещая всякого человека, грядущего в мир, и меня, бессловесного младенца, бaneyю пакибытия возродивший, сочевавший меня с Собою и с избранным Своим стадом спасаемых.

Благодарю Бога, показавшего мне сей чувственный свет в доме служителя Своего, приведшего меня в мир сей от духовных предков, почему с детства своего приблизился я ко храму святому Его и не знал иного там места, кроме клироса и алтаря.

Буди имя Господне благословенно и за то, что не имел я изнеженного воспитания в детстве своем, вырастая среди лугов, полей и лесов моей родины в любезной простоте трудового быта, почему, если и стыжуся просити, то копати могу (Лк. 16, 3) и требованию моему могут послужить мне руки мои сии (Деян. 20, 34).

Благодарю Бога, от дней детства отверзшего мой ум, вложившего в него жажду знания и проведшего меня не через иную какую школу, но через школу духовную.

Наипаче и непрестанно благодарю Бога за то, что Он даровал мне великую радость и счастье жить и учиться в Московской Духовной академии. В детстве лишившийся матери-родительницы, в юности обрел я в Академии мать-воспитательницу, которая вот уже четырнадцать лет насыщает меня не млеком точию, но и твердою пищею богословия. До конца дней моих хотел бы я паче быть последним служителем ее и избыточествовать хлебы, нежели быть кем бы то ни было вдали от нее и лишатися.

Благодарю Бога, сподобившего меня немало лет пожить под благодатным кровом Игумена Русской земли – Преподобного Сергия, видеть там веру народную, иногда ею до слез умиляться, видеть там жажду духовную и самому распаляться желанием подать народу жаждущему хотя бы каплю пития духовного.

Благо мне, яко смирил мя еси, Господи, яко да научуся оправданием Твоим (Пс. 118, 71), ибо горд я был и скор на гнев *судити чуждему рабу* (Рим. 14, 4), и Господь, который *вся ходящия в гордости может смирити* (Дан. 4, 34), вразумил меня грешных людей понимать, грешным людям сострадать, грешных людей прощать.

Слава Богу и за все то, что пережито и передумано за эти последние годы бури и смятения, когда *предана есть земля в руце нечестивого* (Иов. 9, 24), когда Русское государство, отделив себя от Церкви Христа, вступило в теснейший союз с синагогой сатаны (Откр. 2, 9). В эти годы лишь окрепла моя вера в Церковь и утвердились сердце мое в надежде на Бога. Когда до основания разрывают старый мир, чтобы лишь на развалинах его строить новый фантастический мир, когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке, когда *падоша сильни* (2 Цар. 1, 25, 27) многие, *твердое основание Божие* (2 Тим. 2, 19) – Церковь Божия – стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссоном, кровью новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят (Илларион, Отр. 7, 4). Враги хотели бы почитать нас отжившими, умершими, но *вот мы живы* (2 Кор. 6, 9), и *живая будет душа наша* (Пс. 118, 175). Не веруем только, но и видим, что врата адовы бессильны пред вечным Божием созданием. Среди ветров лжеучений, среди мутных яро-

стных волн злобы, лжи и клеветы неистовых врагов как скала стоит Церковь, та Русская Православная Церковь, о которой так любили недавно повторять, что она в параличе, что лишь полицейской силой государства держится она. Но вот силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников. Наблюдая все это и размышляя над всем этим, чувствуя я, что *распространились стопы мои подо мною* (Пс. 17, 37) и на камне поставил Господь ноги мои (Пс. 39, 3), да не ослабеет сердце мое (Втор. 20, 3).

Сие последнее Божие благодеяние наипаче таить не могу в сей час, когда стою перед сонмом вашим, архипастыри Церкви, призванный к служению епископскому. Молодой вол трясет головой, когда на него надевают ярмо, потому что это ярмо для него непривычно. Ново и для меня то иго, какое вы ныне на меня налагаете, и выя моя трепещет этого ига. Со дней детства определил я себя на служение Церкви и ей одной служил доселе, сколько позволяла мне леность моя. Всю свою деятельность ученую и профессорскую почитал я служением Церкви и в этом служении видел высший и единственный смысл всей нашей академической работы. Но то служение Церкви, какое я проходил доселе, оно совсем иное, нежели предстоящее мне служение епископское. Прежде я читал книги, теперь должен читать сердца человеческие, эти мудрейшие и часто вовсе непонятные письмена. Тогда писал я чернилами на бумаге, отныне предстоит мне благодатью писать образ Божий в душах человеческих. Прежде учил я; ныне должен вести ко спасению. Раньше мог я оставаться под спудом, ныне вы поставляете меня на свещнице церковном. Прежде мог я скрываться от

людей и быть в любезной неизвестности, отныне должен я светить людям светом добрых дел. Всей душой любил я жизнь академическую, от мира отрешенную, над миром возвышенную, уединенную, как бы пустынную. Больше всего за последнее время жалел я о том, что терял свое единственное сокровище – возлюбленную пустынью. Ныне вы отнимаете у меня надежду в эту пустынью снова и всецело возвратиться. Епископ должен быть всегда в круговороте жизни человеческой. У него ежедневное стеченье людей, которое можно назвать нападением по вся дни (2 Кор. 11, 28), всем он должен быть вся (1 Кор. 9, 22), всем себя поработить (1 Кор. 9, 19), для немощных быть немощным (1 Кор. 9, 22), изнемогать с изнемогающим (2 Кор. 11, 29), одних утешать, других наставлять, а иных и обличать (1 Тим. 1, 9).

Привыкнув к прежнему своему служению и всей душой его полюбив, я боялся архиерейства и всегда немало говорил против своего епископства. А ныне стою перед вами, архипастыри, приняв звание ваше, и нимало вопреки глаголю, ибо тверда моя надежда на Господа. Вижу ныне ясно, что велика нужда в делателях на ниве Божией. Знаю теперь твердо, что воля Божия управляет Церковью и не без Божией воли поставляются в Церковь епископы. Слышу пророческое увершение: *благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей* (Плач. 3, 27), и склоняюсь свою под омофор епископа. Господь Милосердый да примет душу мою, сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви, для употребления на общую пользу. *Воля Господня да будет* (Деян. 21, 14).

Но исповедую и то, что ныне смущает бедную душу мою. Был я грешным мирянином, стал грешным монахом, сделался грешным иереем, но

ПАСХА ХРИСТОВА В МОСКВЕ

Пасхальный крестный ход.
Богоявленский кафедральный собор

← Перед началом Пасхальной
вечерни в Храме Христа Спасителя.
19 апреля 1998 года

Божественная литургия
в Пасхальную ночь.
Богоявленский кафедральный собор

Святейший Патриарх
в одном из московских приходов.
Великая Суббота

Светлый Понедельник.
Крестный ход в Московском Кремле

быть грешным архиереем – трепещу. “Чем столько согрешила Церковь Божия, чем так прогневала Владыку своего, чтобы быть ей предоставленою мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению”. Так восклицает Иоанн Златоуст (О священстве. 6, 12). Какими же словами скажу я, грешный и окаянный паче всех человек. Как осмелюсь я отверзать уста свои, зная грозное слово псалма: *грешнику рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя. Обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя* (Пс. 49, 16, 21). *А грехи мои, яко бремя тяжкое отяготеша на мне, возсмердеша и согниша духовныя раны моя от лица безумия моего* (Пс. 37, 5, 6). Паче блудницы беззако-

новав, слез токи отнюдь не принесох. Человеколюбче щедре, от скверны дел моих избави мя, да не буду стяжание ни брашно чуждему, и проповедуя другим, сам останусь неключим (1 Кор. 9, 27).

Прошу вас и молю, святители Божии, непрестанно о мне молитесь Христу Богу, да сподобит Он меня причаститься благодати архиерейства не в суд или во осуждение, да возгревает сия Божественная благодать углие огненное в совести моей, попалая терние всех моих прегрешений в прочее время жизни моей, и да не низведен буду по грехам моим на место мучения, когда окончу поприще сей временной жизни земной».

Иеромонах ДАМАСКИН (Орловский)

(Окончание следует)

Хроника

28 апреля 1998 года Архиепископом Афинским и всей Эллады избран митрополит Димитриадский Христодул (Параскевадис).

Новому Предстоятелю Элладской Православной Церкви 59 лет. В 1965 году он защитил докторскую диссертацию в области церковного права и получил учченую степень профессора богословия. В течение семи лет исполнял обязанности секретаря Священного Синода и в 1974 году был избран митрополитом Димитриадским.

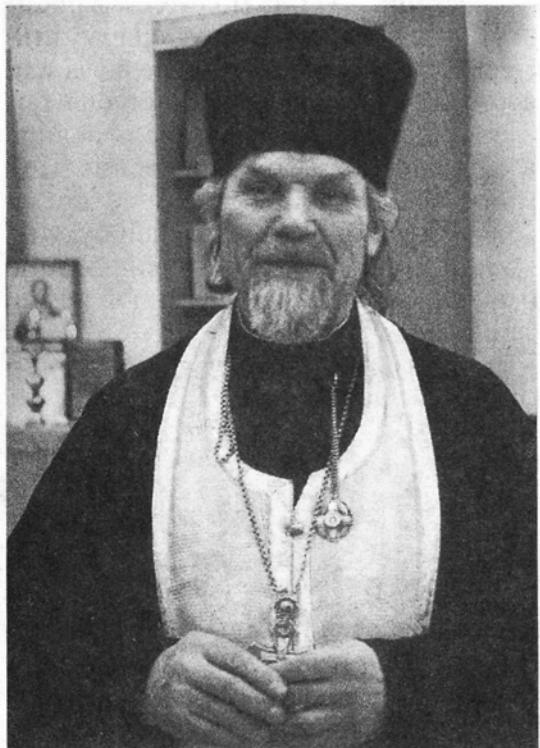
Архиепископ Христодул является одним из образованнейших иерархов Элладской Церкви. Он свободно владеет четырьмя иностранными языками, преподает каноническое право в Фессалоникийском университете, часто выступает по телевидению с пастырской проповедью. Его многочисленные социальные программы снискали широкую известность. Научные труды Архиепископа высоко ценятся в научном мире.

Сразу же после избрания новый Первосвятитель Элладской Церкви в Окружном послании заявил, что будет неукоснительно следовать традиционной политике Элладской Церкви, хотя подчеркнул, что Церкви необходимо быть более открытой по отношению к людям и помогать им в решении конкретных проблем..

От лица всей Русской Православной Церкви Архиепископа Христодула сердечно поздравил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

← Святейший Патриарх после праздничного молебна в Иверской часовне на Красной площади в Москве. 21 апреля 1998 года

Протоиерей Николай Тарасов

За неделю до Пасхи, 13 апреля 1998 года, после тяжелой болезни скончался один из старейших клириков Москвы — протоиерей Николай Тарасов. Последние годы он состоял в штате Свято-Никольского храма Зеленограда и пользовался любовью и уважением как у духовенства, так и у прихожан. Последний раз он совершал богослужение за две недели до кончины. Отец Николай знал о том, что серьезно болен, но неизменно сохранял присутствие духа, и многие даже не догадывались о его недуге.

Протоиерей Николай Тарасов прожил долгую и трудную жизнь. Родился он 21 мая 1927 года в селе Архангельском Истринского района Московской области, в семье диакона. Семья была многодет-

ной, кроме Николая в ней было еще тринацать детей. В 1933 году диакон Федор Иванович Тарасов, глава семьи, был репрессирован и осужден на десять лет лагерей. Мать была вынуждена выехать с четырнадцатью детьми за 101-й километр от Москвы. Жизнь для них складывалась чрезвычайно трудно, однако Николай закончил среднюю школу и поступил в Московскую Духовную семинарию. После ее окончания в 1950 году некоторое время занимался светской работой, женился, а в 1956 году был рукоположен во диакона. Московскую Духовную академию отец Николай закончил заочно в 1975 году. В сане диакона он проходил служение в Преображенском храме села Переделкина, а через два года Патриархом Московским и всея Руси Алексием I был возведен в сан священника и причислен к московскому храму во имя преподобного Пимена Великого, где служил с 1958 по 1962 год.

В последующие годы отец Николай служил в московских храмах: с 1962 по 1967 год — в церкви во имя мученика Иоанна Воина и в течение 23 лет — в храме в честь сошествия Святого Духа на апостолов, что на Даниловском кладбище (с 1967 по 1990 год). 25 января 1990 года он был назначен настоятелем Троицкого и Успенского храма в Строгине, где служил до 4 сентября 1990 года. С 5 сентября по 15 декабря 1990 года был настоятелем Троицкого храма на Пятницком кладбище. С 15 декабря 1990 года был зачислен в штат Свято-Никольского храма Зеленограда, где и служил более семи лет до самой своей кончины. Отец Николай Тарасов отмечен многими церковными наградами, в 1989 году он стал митрофорным протоиереем.

Отпевание отца Николая при большом стечении верующих возглавил пропресвитер Матфей Стаднюк, настоятель Богоявленского кафедрального собора Москвы, в сослужении многочисленного духовенства. Он передал семье покойного соболезнование Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и выразил глубокую личную скорбь о кончине протоиерея Николая, которого хорошо знал. Добрые слова о покойном сказали также настоятель Свято-Никольского храма, благочинный

церквей Зеленоградского округа Москвы протоиерей Владимир Харитонов и протоиерей Дмитрий Акинфиев.

Под траурный перезвон колоколов гроб с телом почившего был обнесен вокруг храма, а затем в сопровождении членов семьи, многочисленных прихожан и духовенства доставлен на Даниловское кладбище Москвы, где долгие годы подвизался отец Николай. Здесь он и обрел свое упокоение.

Господь да примет его в селениях праведных!

Священник Михаил ДУДКО

Памяти Ирины Евгеньевны Прокофьевой

30 апреля 1998 года на 55-м году жизни скончалась сотрудница Издательства Московской Патриархии Ирина Евгеньевна Прокофьева. Она пришла в Издательский отдел Московского Патриархата в 1976 году, имея за плечами университетское образование (по специальности филолог-славист) и опыт работы в различных периодических изданиях. Прекрасно зная иностранные языки, она 10 лет проработала в английской редакции «Журнала Московской Патриархии». В последнее время она исполняла обязанности ответственного секретаря «Московского церковного вестника». С ее приходом в редакцию газета стала живее, интереснее и содержательнее, кроме того, она стала выходить чаще – два раза в месяц. Ирину Евгеньевну отличал высокий профессионализм, в случае необходимости она могла заменить любого работника редакции – от корректора до машинистки, и делала это спокойно и естественно.

Ирина Евгеньевна была скромным человеком, с ней было легко всем. Она умела поддерживать творческую обстановку в работе. Ее спокойная доброжелательность и ровный характер делали общение с ней легким и приятным. Данный ей от Бога талант она посвяти-

ла работе на ниве церковного просвещения. Господь да воздаст ей за труды и упокоит ее в селениях праведных.

Отпевание Ирины Евгеньевны Прокофьевой было совершено в храме в честь Рождества Иоанна Предтечи, что в Ивановском. Проститься с ней пришли многие сотрудники Издательства Московской Патриархии.

М. ЖИЛКИНА

ПРОПОВЕДЬ

Приближается 80-летие со дня злодейского убийства 4/17 июля 1918 года в Екатеринбурге Царской Семьи. Публикация проповедей святителя Иоанна (Максимовича) посвящается этой горестной дате

Страстотерпец Николай II

«Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твой» (Быт. 4, 10). Так изрек Бог Каину после убийства им Аvelя. Незлобливый, кроткий Аvelь бездыханный и безгласный лежал на земле. Но кровь его вопияла к небу. О чём вопияла она? Вопила земля, вопила природа, взывая к Богу о правосудии. Вопила, ибо не могла молчать, потрясенная совершившимся преступлением. Есть события, которые потрясают даже бездушные стихии. Сам Господь творит тогда суд над ними. Таково было первое убийство, убийство Каиново. Таковы многие другие тягчайшие преступления. К ним относится страшное цареубийство в Екатеринбурге. За что был преследуем, оклеветан и убит Царь Николай II? За то, что он был Царь, Царь Милостью Божией. Он был носителем и воплощением православного мировоззрения, что Царь есть слуга Божий, Помазанник Божий, ему должны дать отчет за судьбы вверенного ему народа, за все свои деяния и поступки, не только личные, но и как Правителя.

Так верил православный русский народ, так учила Православная Церковь, так сознавал и ощущал Царь Николай. Он весь проникнут был этим сознанием. Он смотрел на свое несение Царского венца как на служение Богу. Он помнил то при всех своих важных решениях, при всех возникавших ответственных вопросах. Вот почему он так тверд и непоколебим был в тех вопросах, в которых он был убежден, что та-

кова воля Божия. Твердо стоял за то, что представлялось ему нужным для блага возглавляемого им Царства.

А когда он увидел, что поставлен в невозможность совершать по совести свое Царское служение, то сложил с себя Царский венец, подобно святому князю Борису, не желая стать причиной раздоров и кровопролития на Руси. Самопожертвование Царя, не принесшее России пользы, а наоборот, давшее еще большую возможность безнаказанно совершать преступление, принесло невообразимую скорбь и страдания. Но в них он проявил величие духа, уподобившее его праведному Иову. Злоба врагов не унималась. Он был для них и тогда опасен, ибо он был носитель сознания, что Верховная власть должна быть Богу покорна, от Него получать освящение и укрепление, Божиим заповедям следовать. Он был живым воплощением веры в Промысл Божий, действующий в судьбах царств и народов и направляющий верных Богу правителей на благие и полезные деяния. Посему он нетерпим был для врагов веры и для тех, кто стремится разум человеческий и силы человеческие поставить выше всего... Царь Николай II был слуга Божий по внутреннему своему миросозерцанию, по убеждениям, по своим действиям, и таким он был в глазах всего православного русского народа. Борьба против него тесно была соединена с борьбой против Бога и веры. По существу, он сделался мучеником, оставшись верным Царю царствующих, и принял смерть так, как принимали ее мученики.

Печатается по: Слова иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского, чудотворца. Сан-Франциско, 1994.

Царь Николай Многострадальный

Прообразом страдавшего и воскресшего Христа был праведный Иов Многострадальный, память которого совершается ныне и книга о котором читается на Страстной седмице, потому что праведный Иов был первым прообразом великого Страдальца за наши грехи, Спасителя мира. Подобно Иову, из обладавшего большим богатством сделавшемуся нищим, Сын Божий, оставя небесный Престол Свой, «обнищал», сделавшись подобным нам Человеком, терпевшим все нужды человеческие и не имевшим где главу преклонить. Как праведный Иов терпел укоризны от своих ближайших друзей, так и Христос претерпел поношения и клеветы от Своих соплеменников и предательство Иуды. Но как после страданий святой Иов вновь увенчался славой и богатством, так и Сын Божий воскрес из мертвых, вoshел на Свой небесный Престол, воспеваемый Ангелами и приемлющий поклонение от всего мира. Как были прообразы Христовы до Его Пришествия на землю, так после Пришествия Его образами Его должны быть верующие в Него. Сам Христос сказал на Тайной вечери: «Образ (пример) бо дах вам, да яко же Аз сотворих вам, и вы творите» (Ин. 13, 15). А святой апостол Павел говорит: «...подобны мне бывайте, яко же аз Христу». Человек создан по образу и подобию Божию, и всякий человек должен в себе являть то подобие своими добрыми качествами, отражающими в нас подобие Божие. Грех осквернил природу, и человек стал неспособен к истинному добрю, потеряв живое общение с Богом.

Христос Сын Божий, воплотившись, показал нам Первообраз, которому мы должны уподобляться. «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» – пишет святой апостол Павел верующим (Флп. 2, 5). Таким живым напоминанием о страдани-

ях Христовых явился в дни своих испытаний Царь Николай II. Предан он был теми, кому доверял. Оставлен был почти всеми приближенными, лишь немногие пошли с ним на его Голгофу. Толпы, еще недавно с восторгом встречавшие и приветствовавшие его, теперь поносили его, приветствуя тех, кто желал его казни, как друзья Иова, недавно казавшиеся преданными ему, обвиняли его в не совершенных им преступлениях. «Распни, распни его» – слышалось всюду, и те, кто оставался верен ему, не смели возвысить голоса, скрываясь «страха ради иудейска». С беззлобием и всепрощением переносил то Царь-мученик. «Я родился в день Иова Многострадального и мне предназначено страдать», – говорил он еще задолго до скорбных дней. С терпением и кротостью переносил он все выпавшее на его долю и до дна испил чашу своих страданий. Как Иов, много делавший добра и прежде, еще больше, чем добрыми делами, прославился своими страданиями, так и Царь Николай II еще больше, чем многими славными деяниями своего царствования, прославился на весь мир страданиями и великолодушным перенесением их. Через много тысяч лет он в себе явил древний прообраз Христов – Иова, сам уподобившись ему, и с Павлом может сказать: «...я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал. 6, 17). Он явил всем пример исполнения заповеди Христовой и примет от Него вместо венца Царского венец Правды. Безгрешен был невинный страдалец Христос, но не безгрешны ни праведный Иов, ни Царь-мученик. Но кто со Христом страдает, с ним и прославится. За согрешивших друзей Иова мог умолить Бога только сам праведный Иов, и за согрешившую, страждущую ныне Русь нужна и сильна ныне молитва Царя-мученика.

Архиепископ ИОАНН (Максимович, † 1966)

Историография Русской Православной Церкви

Обращаясь к трудам «официальных» историков Русской Церкви, то есть к обзорам и «руководствам», составленным профессорами Духовных академий по кафедре церковной истории для школьного преподавания этой истории, замечу прежде всего, что я не имею ни намерения, ни возможности представить в пределах этого очерка сколько-нибудь полный обзор этой историко-педагогической литературы и скажу о трудах только двух ее выдающихся представителей на рубеже XIX и XX веков, профессоров П. В. Знаменского и А. П. Добролюбского.

Надлежит прежде всего заметить, что труды «официальных» церковных историков в это время были совершенно лишены того духа угодничества перед правительством (славословий или хулений согласно его директивам), который стал обязательным для всех историков тоталитарных государств XX столетия.

Петр Васильевич Знаменский (1836–1917) – заслуженный ординарный профессор Казанской Духовной академии, член-корреспондент Императорской Академии наук, доктор русской истории Московского университета, почетный член Казанской и Петербургской Духовных академий – родился в Нижнем Новгороде (в семье диакона); образование получил в Нижегородской семинарии, потом – в Казанской Духовной академии и по окончании последней стал в ней (с 1862 года) преподавателем русской церковной истории, каковым и оставался свыше 30 лет.

В 1871 году в Казани вышло первое издание его «Руководства к русской церковной истории», переизданное в 1876, 1880, 1886, 1888 годах и затем переделанное в «Учебное руководство по истории Русской Церкви»; его 2-е издание, исправленное и дополненное, вышло в Петербурге в 1904 году. Книга Знаменского получила широкое распространение; по выражению статьи в «Православной Богословской энциклопедии», «Знаменский является учителем духовного юношества всей России».

Во введении к своему «Руководству» (1904) Знаменский определяет содержание науки истории Русской Церкви – она должна рассказать: 1) как распространялась Церковь среди русских и инородцев; 2) внутреннее иерархическое устройство Церкви и ее отношение к государству и народу; 3) чему и как Церковь учила народ; 4) особенности в богослужении и обрядах; 5) преуспеяние (то есть степень преуспеяния) в народе христианской нравственной жизни (с. 7–8).

Соответственно этим пяти рубрикам и распределяется изложение в каждом из периодов церковной истории. В истории начального религиозного просвещения русского народа автор подчеркивает первенствующую роль Болгарии, откуда «явились к нам и первые христианские учители, и первые книги, и сама славянская грамота» (с. 39). И в древнем и в московском периодах автор отмечает тесную связь церковной иерархии со светской властью. В согласии с пессимистической оценкой древнерус-

ского Православия Е. Е. Голубинским Знаменский замечает преобладание в древнем благочестии «обрядового направления» и «слабое знакомство с духом Православия» (с. 54). «Обрядовое благочестие не могло много содействовать развитию нравственной жизни. Общее впечатление, какое выносится из изучения нравов описываемого времени (XIII–XV веков), очень грустное» (с. 108). И в Московской Руси XVI–XVII веков «под благочестивой внешностью в обществе обнаруживалась азиатская грубость нравов» и слабое развитие «задушевного религиозного чувства» (с. 154). Светлыми явлениями были лишь отдельные религиозные подвижники, о которых рассказывает автор.

Говоря об отношениях Церкви и государства, автор констатирует, что русская иерархия, сделавшись независимой от заграничной церковной власти (то есть от Константинопольского Патриарха), «должна была очутиться в большем подчинении своей местной государственной власти» (с. 132).

Говоря о церковном расколе XVII века, автор – учитель будущих православных пастырей – конечно, отрицательно относится к раскольникам (с. 294–295), но в то же время признает, что Патриарх Никон вел дело церковной реформы «слишком круто» и «возбуждал против себя много чисто личного раздражения» (с. 292).

В истории синодального периода автор говорит о широком развитии в XIX веке миссионерской деятельности, богословских наук и духовного просвещения, но он отрицательно относится к модному в первой четверти XIX века мистическому движению, которое «запечатлелось печатью ханжества и лицемерия» (с. 431).

Последние страницы книги посвящены обзору истории монастырей, в которых десятки тысяч мирян находили «духовное врачевание для своих скорбей и болезней» (с. 482).

Профессор А. В. Карташев в своем обзоре предшествовавшей историографии высоко оценивает труд профессора Знаменского («Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. С. 30–31»): «Руководство к русской церковной истории» профессора П. В. Знаменского, без сомнения, должно занять место в ряду самостоятельных церковно-исторических систем и по своему плану, и по подбору фактов, и по искусству построения. Правда, автор излагает здесь историю догматически, без цитации и ученой критики, но во всем его изложении обнаруживается солидное знание первоисточников, из которых им самостоятельно извлечено множество ценных фактов, обставленных многозначительными и меткими характеристиками, проливающими свет на характер целых эпох... Его «Руководство к русской церковной истории» представляет собой наилучшую у нас по данному предмету «книгу для чтения»... К отличительным достоинствам содержания «Руководства...» относится и то, что оно отводит менее, чем это делалось до него, места рассказу о внешних событиях, а с большой подробностью и с большим вниманием изображает внутреннюю жизнь Церкви (и) религиозно-нравственное настроение русского общества».

Кроме «Руководства...» перу профессора Знаменского принадлежит много трудов по истории разных сторон жизни Русской Православной Церкви: «Приходское духовенство в России со временем реформ Петра» (Казань, 1873. 850 с.); книга рисует безотрадное материальное, правовое и социальное положение приходского духовенства, «далеко не избалованного благодеяниями и заботливостью об его участии» (как замечает автор в конце книги); «История Казанской Духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы)» (Казань, 1891–1892. Т. I–III); «Духовные школы

в России до реформы 1808 года» (Казань, 1881). Перу профессора Знаменского принадлежит также множество статей по истории Православной Церкви, напечатанных в «Православном со- беседнике» и в иных духовных и светских журналах (список их приведен в «Православной Богословской энциклопедии» (Т. V. С. 722–724).

Другим выдающимся знатоком истории Русской (и древнехристианской) Церкви и учителем русского духовного юношества был профессор Александр Павлович Добролонский (1856–1937), сын протоиерея в Павловском Посаде Московской губернии. В 1880 году он окончил Московскую Духовную академию и в 1881–1899 годах был преподавателем русской гражданской и церковной истории в Рязанской, потом в Московской Духовной семинарии. С 1899 года был экстраординарным профессором Новороссийского университета по кафедре церковной истории. В эмиграции продолжал научную и педагогическую работу в качестве профессора Белградского университета.

Его важной научно-педагогической заслугой было «Руководство по истории Русской Церкви» в 4-х выпусках, вышедшее в Рязани и в Москве в 1884–1893 годах. Я не нашел этого «Руководства...» в каталоге библиотеки Йельского университета и потому должен ограничиться отзывом о нем компетентного знатока русской церковно-исторической литературы, профессора А. В. Карташева, который дает «Руководству по истории Русской Церкви» профессора Добролонского высокую оценку: оно есть «действительно полезнейшее» руководство для студентов и преподавателей, для богословов и светских читателей, «не только по стройной системе излагающее на уровне современной ему науки накопленный материал дисциплины, но и вводящее в литературу предмета как единственная в своем роде справочная книга. Обогаще-

ние новыми данными науки в изложении «Руководства по истории Русской Церкви» возрастает с движением времени. Последний (4-й) том «Руководства...» – еще в большей степени оригинальное создание с обильной цитацией первоисточников... До сих пор этот том остается для нас самым полным сводом исторических сведений о синодальном периоде в его целом. После профессора А. П. Добролонского никто еще не вдохновился написанием нового общего построения истории Русской Церкви» (Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. С. 36). В этом отношении произошла «70-летняя остановка» (ныне этот пробел заполнен «Очерками...» А. В. Карташева, см. ниже).

В течение немногих лет после большевицкой революции богословская и церковно-историческая наука была убита в Советском Союзе, но она сохранилась и продолжала творческую жизнь в «рассении сущей» зарубежной России. Некоторые из бывших профессоров Духовных академий стали университетскими профессорами в православных странах (Н. Н. Глубоковский в Софии, А. П. Добролонский в Белграде); другие религиозные и религиозно-философские писатели и ученые, духовные и светские, сгруппировались и работали в нескольких вновь образовавшихся центрах русской духовной культуры в зарубежье. Такими центрами были на Дальнем Востоке «русский» Харбин, в Европе – Белград, София, Прага, Берлин, Париж. В Чехословакии помимо русских научных и просветительских организаций в Праге образовался духовно-просветительный центр в Ладомирове (или Владимирове) в Словакии, где архиепископ Виталий (бывший руководитель церковного православного издательства в Почаевской лавре) устроил типографию и создал издательство духовно-просветительной литературы.

Главным центром русской богословской и церковно-исторической науки и

православного просвещения в Европе стал Париж. Здесь образовалось Свято-Сергиевское подворье и при нем – Русский Богословский институт (переведенный в 1925 году из Берлина), иначе называвшийся Духовной академией. Здесь был центр Русского Студенческого Христианского Движения, издававшего свой периодический орган («Вестник РСХД»). Русские организации работали в тесном контакте с Союзом Христианских Молодых Людей, и издательство этого Союза (в русской транслитерации «ИМКА») опубликовало множество русских книг духовного и светского содержания.

В США образовались два центра русской духовной (православной) культуры – в Нью-Йорке и в Джорданвилле. В Нью-Йорке существуют Русский православный теологический фонд и Школа для высшего богословского образования – Свято-Владимирская семинария, издающая свой журнал («Квартальник») и привлекшая в ряды своих преподавателей ряд видных ученых духовного и светского «чину» (выражаясь старомосковским языком).

Другим центром русской православной культуры в США стал Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, духовный центр для Синодальной, или Зарубежной Русской Церкви; он имеет свою семинарию и свое издательство, которое издает не только новые произведения, но также перепечатки дореволюционных книг духовного содержания.

Прежде чем приступить к обзору церковно-исторических сочинений эмигрантских авторов, я должен принести глубокую благодарность профессору Н. М. Зернову за его новый труд «Русские писатели эмиграции»¹; труд этот значительно помог мне в составлении этого отдела моего историко-библиографического обзора. Книга профессора Н. М. Зернова включает биобиографические сведения о духовных и светских авторах не только в области цер-

ковно-православной культуры, но и в иных областях русской духовной культуры. Алфавитный список авторов содержит, по моему подсчету, 304 фамилии. Трудно себе представить, как много труда и времени надо было затратить, чтобы собрать биобиографические сведения за 50 лет о 300 русских эмигрантских авторах, живых и умерших, рассеянных по всему Земному шару. Из книги Н. М. Зернова я взял большинство биографических данных о зарубежных авторах.

В своем очерке эмигрантской церковно-исторической литературы я ограничиваю свой обзор истории Русской Церкви до 1917 года и не касаюсь ни Церковного Собора 1917–1918 годов, ни истории Церкви в Советском Союзе и в русском зарубежье.

Наиболее значительным для нашей темы – историографии Русской Церкви – был труд профессора А. В. Карташева «Очерки по истории Русской Церкви» (Т. I–II. Париж: YMCA-Press, 1959). Антон Владимирович Карташев (1875–1960), родом с Урала, окончил Пермскую семинарию, потом Петербургскую Духовную академию (в 1899 году). Преподавал церковную историю сначала в Академии, потом на Высших женских курсах. Был председателем Религиозно-философского общества в Петербурге. После февральской революции был (последним) обер-прокурором Святейшего Синода, потом – министром вероисповеданий в составе Временного правительства. Покинул Россию в 1919 году. Был профессором Богословского института в Париже с 1925 года до конца жизни.

Первый том «Очерков по истории Русской Церкви» А. В. Карташева охватывает время от начала христианства на Руси до учреждения Патриаршества (в 1589 году), второй том включает историю патриаршего и синодального периодов (до 1801 года). Во введении (с. 1–39) автор представляет читателю

историографический обзор литературы по истории Русской Церкви.

В главе «Эпоха догосударственная» автор констатирует, что «густой мрак скрывает от нас начало исторической жизни русского народа и вместе с тем начало его знакомства с христианской религией» (с. 52); он полагает, что «первое крещение киевских руссов произошло еще при византийском Патриархе Фотии, около 860 года, а относительно крещения киевлян при Владимире Святом он принимает гипотезу М. Д. Прищепова о том, что первая церковная иерархия и начатки христианского просвещения пришли на Русь не из Византии, а из Болгарии (см. выше).

Говоря о московском периоде, автор указывает на полную зависимость высшей церковной иерархии от государственной власти, причем патриарший титул главы Русской Церкви (с 1589 года) «ни капли не прибавил власти Главе Русской Церкви и ни капли не ослабил ее полной зависимости от государства» (с. 380).

Последняя часть первого тома: «Юго-западная митрополия от разделения Русской Церкви (в середине XV века) до Брестской унии 1569 года» (с. 531–681) подробно описывает безотрадное положение Православной Церкви в Польско-Литовском государстве, уродливое и отяготительное «право патроната» католических государей и панов над православными церквами и монастырями и, наконец, подготовку и проведение западно-русским епископатом Брестской церковной унии, вопреки всем протестам православных мирян и духовенства.

Второй том «Очерков...» А. В. Карташева описывает историю патриаршего и синодального периодов (изложение доведено до 1801 года).

Описывая историю учреждения Патриаршества в России (с. 10–46), автор указывает, что инициатива и осуществление этой крупной реформы централь-

ного управления Русской Церквию (в 1589 году) были делом светского правительства, стремившегося возвысить престиж Московского государства и в глазах московских людей, и в международных отношениях, особенно среди православных народов Востока. Иерархи Русской Церкви, конечно, не возражали против реформы, имевшей целью возвысить ее престиж, но они не играли при этом активной роли: «и весь Освященный Собор, – гласит цитируемый автором официальный документ, – говоря и советовав меж себя о всем том, положили на волю благочестивого государя царя и великого князя, как о том благочестивый государь царь и великий князь Феодор Иоаннович всея России соизволит» (с. 27). Фактическим главой правительства в это время, при слабом царе Феодоре Иоанновиче, был всемогущий царский шурин боярин Борис Федорович Годунов. Он вел переговоры об учреждении Патриаршества в Москве с прибывшим в Москву Константинопольским Патриархом Иеремией и «провел» на Патриарший престол своего близкого друга, митрополита Московского Иова. «Русское Патриаршество, – замечает А. В. Карташев, – (есть) дитя царской воли» (с. 33); и при «настоловании» нового Патриарха царь вручал ему пастырский жезл (посох).

Патриарх Никон, с его идеями о пре восходстве «священства» над «царством», пытался осуществить независимость Церкви от государства и создать в лице Патриарха второго «великого государя», но его попытка потерпела крушение.

В историю патриаршего периода входит у А. В. Карташева, как и во всех курсах русской церковной истории, печальная повесть о начале церковного раскола, о преследованиях раскольников, об их самосожжениях.

На описании и оценках истории синодального периода у А. В. Карташева я хочу остановиться с некоторой подробно-

стью по принципу *audiatur et altera pars*, ибо положительная оценка А. В. Карташевым петровской церковной реформы и всего синодального периода далеко расходится с мнением большинства «неофициальных» историков Русской Церкви; профессор П. В. Верховской прямо называет петровскую реформу «несчастьем, постигшим Русскую Церковь», да и автор настоящего очерка не является ее поклонником².

В отделе «Основной характер и оценка синодального периода» (с. 313–320) автор прежде всего замечает, что петровские церковные и культурные реформы были совершено «в духе времени», когда в европейских странах совершалася «отрыв от обветшалой формы средневековой теократии» и всесторонняя секуляризация государства и духовной культуры. Идеи «естественного права», переплетаясь с идеями протестантизма, не допускали существования Церкви как особой организации, независимой от государства; религия и Церковь должны были подчиниться государственной власти, которая принимала на себя всестороннюю заботу о материальном и духовном благе подданных (или о «всенародной пользе», по выражению петровских указов).

Стремление Петра к секуляризации русской жизни и культуры, конечно, не могло встречать сочувствия московского (великорусского) духовенства, возглавляемого консервативными Патриархами Иоакимом (1673–1690) и Адрианом (1690–1700), в глазах которых уже одно только брадобритие представлялось тяжким грехом против Православной Церкви и московской традиции. С другой стороны, говорит А. В. Карташев, кровавый стрелецкий бунт 1682 года оставил у Петра на всю жизнь «глубокое духовное отвращение к звериному лицу дикого, темного, невежественного и ничуть не христианского древнемосковского фанатизма» (с. 323). При таких условиях «ни теоретически,

ни практически сочетать точки зрения Петра и Патриарха Адриана было невозможно... Аккорд (то есть соглашение) математически исключался. Новая идея (всемогущего) государства не терпела дуализма... Религия, Церковь могла быть только подчинена ему» (с. 327).

А. В. Карташев признает, что церковная реформа Петра носила «крутоий» и революционный характер, но, в отличие от большинства историков и публицистов, утверждает, что она не парализовала, а «стимулировала» творческие силы Церкви: «слишком крутая, до болезненности, революционная реформа Петра Великого была благодетельным страданием для Русской Церкви, стимулировавшим ее творческие силы» (с. 318).

Автор указывает разные сферы проявления творческих сил Церкви в период Империи, который и по государственной, и по церковной стороне представлял «все восходящую линию биологической эволюции единого организма России» (с. 317).

Во-первых, А. В. Карташев указывает на огромный, почти десятикратный количественный рост Церкви в период Империи, и «этот количественный рост не есть только автоматический результат роста населения; это и результат активного систематического внешнего и внутреннего миссионерства Русской Церкви в такой мере, как никогда еще раньше не практиковалось» (с. 317).

Широко разvилась упорядоченная система духовного образования: на рубеже XIX и XX веков в России было 4 Духовные академии, 55 семинарий, 100 Духовных и 100 Епархиальных (для девочек) училищ, с общим числом 75 000 учащихся.

Широкое развитие в синодальном периоде научно-богословского знания сделало Русскую Церковь «самой высокой, самой сильной частью, можно сказать, даже гегемоном всего Восточного Православия» (с. 318).

«Просветительно-богословский подъем сил Русской Церкви в этот период возрос еще в связи с другим оригинальным культурным явлением – появлением светских богословов и религиозных философов: Хомяков, братья Аксаковы, Владимир Соловьев, братья Трубецкие» [Н. О. Лосский]. «Параллельно с этим должна быть поставлена религиозно-православная стихия в русской литературе, ставшей всемирной» (с. 319). Творческие силы Православной Церкви проявились также в иконописи, церковной музыке и архитектуре.

«Во избежание излишних сомнений и колебаний в оценке развития Русской Церкви приложим здесь бесспорное мерило для всех Церквей и всех времен. Разумеем мерило святости». В синодальный период, как и в предшествовавшие, происходили и явление новых святых, и канонизация прежних подвижников.

Последняя часть второго тома говорит о развитии в России духовного образования.

В общей оценке книги А. В. Карташева надлежит сказать, что она обнаруживает широкую всестороннюю эрудицию автора и содержит богатый фактический материал в описании всех сторон жизни Русской Церкви: административное устройство Церкви и отношения Церкви и государства; иерархия, монастыри и приходское духовенство; Церковные Соборы; идеальные разногласия в Церкви, ереси и расколы; степень христианизации церковного народа и характер древнего благочестия. Наконец, автор приводит обширную библиографию, особо для каждого периода церковной истории.

После монументального труда А. В. Карташева были изданы еще два больших и ценных обзора истории Православной Церкви – Н. Д. Тальберга и И. К. Смолича.

Николай Дмитриевич Тальберг (1886–1969) окончил в 1907 году Императорское училище правоведения, служил на

государственной службе, покинул Россию в 1922 году, жил в Германии и Югославии, а с 1950 года – в США, где был преподавателем Семинарии при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле.

В 1959 году вышла его большая (925 с.) книга «История Русской Церкви». В предисловии автор говорит, что его книга представляет собой курс лекций, читанных им в Свято-Троицкой семинарии и, не претендуя «на значение научно-исследовательское», опирается на дореволюционные обзоры русской церковной истории митрополита Макария, архиепископа Филарета, Е. Е. Голубинского, П. В. Знаменского и других, и из всех этих сочинений, а также из «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева автор приводит много обширных цитат. Отметим два пункта, касающихся важных событий русской церковной истории, в которых изложение Н. Д. Тальберга согласуется с изложением А. В. Карташева (и с историческими фактами). Учреждение Патриаршества произошло по инициативе царя, который «о том размыслил» (надо думать, по совету Бориса Годунова), «чтоб в нашем государстве учинить Патриарха» (с. 302). Об учреждении Синода автор рассказывает без похвал и порицаний, однако он отмечает, что Петр, оставлявший в течение долгих лет Патриарший престол незанятым, все более убеждался в том, что русская иерархия в подавляющем большинстве не сочувствует его преобразованиям, и он «не видел будущего Первовицарха, на которого мог бы положиться» (с. 547). «Петр искал выхода» (с. 548) и наконец остановился на протестантской системе церковного управления; однако по учреждении Синода он обратился к четырем Восточным Патриархам с просьбой о признании законности произведенной им реформы. Отметим еще, что 6-я часть книги Н. Д. Тальберга, излагающая исто-

рию Церкви в XIX веке, носит заглавие «Расцвет церковной жизни». Последние пять страниц книги (с. 920–924) посвящены отцу Иоанну Кронштадтскому, «великому светочу Православия, сиявшему еще в начале нынешнего века».

Игорь Корнилиевич Смолич (1898–1970), по выражению А. В. Карташева, «русский ученый, работающий в лоне германской науки», покинул Россию в 1920 году, поселился в Берлине, окончил Берлинский университет и, ставши немецким (по языку) ученым, был в молодости членом Русского Студенческого Христианского Движения. В 1964 году вышла в Лейдене его превосходная книга «История Русской Церкви: 1700–1917». К сожалению, вышел только первый том (734 с.), охватывающий время с 1700 по 1869 год. В начале книги приведен обширный список источников и литературы (42 страницы мелкого шрифта). На основании тщательного изучения обширного материала автор излагает историю Русской Церкви подробно, вдумчиво и объективно. Книга разделена на пять больших глав. Главы 1-я и 2-я говорят об отношении Церкви и государства, о введении Петром Великим «государственной церковности», то есть об учреждении Святейшего Синода, о Духовном Регламенте и о власти обер-прокурора; глава 3-я – о епархиальном управлении; глава 4-я – о приходском духовенстве; глава 5-я – о Духовной школе. На с. 691–713 находятся таблицы, наглядно представляющие разные стороны церковной жизни в XVIII–XIX веках (кончая 1914 годом). Далее идут указатели, предметный и личный, причем в последнем приводятся даты рождения и смерти.

Перу И. К. Смолича принадлежит еще большая (556 с.) и ценная книга по истории русского монашества «Русское монашество: его возникновение, развитие и сущность» (Бюргбург, 1953). Особое внимание И. К. Смолич посвятил еще монастырскому старчеству в кни-

ге «Жизнь и учение старцев» (Вена, 1936; Кельн, 1952; немецкие заглавия книг И. К. Смолича см. ниже, в библиографическом списке).

Прежде чем говорить о научно-монографической литературе русского зарубежья в области церковной истории, я хочу сказать несколько слов о двух дореволюционных и трех послереволюционных автобиографиях выдающихся церковных деятелей XIX–XX веков, содержащих богатый материал для ознакомления с церковно-общественной жизнью эпохи.

Для второй половины XIX века много материала содержит огромная автобиография архиепископа Тверского Саввы (Тихомирова, 1819–1896) «Хроника моей жизни» (9 томов, изданных после смерти автора в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в 1897–1911 годах). Он был священником, но, овдовев, принял монашество и прошел курс Московской Духовной академии. В 1850 году он был назначен ризничим Синодальной ризницы в Москве и погрузился в изучение церковных древностей. Впоследствии он был ректором Московской академии и затем последовательно епископом Можайским, Плоцким, Харьковским и архиепископом Тверским. В 1863 году вышел в Москве его труд «Палеографические снимки греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI–XVII вв.». Раньше был издан его «Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы» с таблицами разных церковных древностей (4-е изд. М., 1864). Впоследствии он подготовил для печати 5-томное «Собрание мнений и отзывов митрополита Московского Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам» (М., 1884–1888).

На рубеже XIX и XX веков всероссийски известным и самым популярным среди православного народа церковным деятелем был протоиерей Иоанн Кронштадтский (1829–1908). Иван Ильич

Сергиеv, сын псаломщика, родился в селе Суре Пинежского уезда Архангельской губернии. Окончил Архангельскую семинарию, потом Петербургскую Духовную академию. В 1855 году был рукоположен во священника и назначен настоятелем Андреевского собора в Кронштадте, где и протекало его полувековое пастырское служение, превратившее его из приходского священника во «всероссийского пастыря». В своем изданном в Москве и многократно переизданном (в России, в Ладомирове, в Джорданвилле) труде «Моя жизнь во Христе, или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. Извлечение из дневника» и во многих других сочинениях и проповедях (изданных при его жизни или посмертно) он излагает свои мысли и поучения по всем основным вопросам христианской философии и этики. Большим успехом пользовались проникновенные проповеди отца Иоанна. Его подвижническая жизнь сообщила ему дар прозорливости и чудотворения. Не довольствуясь духовным просвещением православного народа, отец Иоанн широко развил в Кронштадте дело благотворительности. При помощи созданного им церковного попечительства и притекавших к нему со всех концов России пожертвований он основал в Кронштадте Дом трудолюбия, который скоро разросся в целый городок, вмещавший множество учреждений экономической, медицинской и просветительной помощи бедному населению Кронштадта.

Левая и леволиберальная интеллигенция не любила и хулила отца Иоанна за его политический консерватизм; в самодержавном царе он видел помазанника Божия, отца, который должен заботиться о благе своего народа, а в атеистической интеллигенции и в революционном движении – разрушительную силу, которая грозит гибелью России («Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению...»)³.

Епископ Русской Зарубежной Церкви Никон (Рклицкий), ныне архиепископ Вашингтонский и Флоридский, составил 10-томный труд: «Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого» (Нью-Йорк, 1956–1963; первый том переиздан в 1971 году). Правда, это биография, а не автобиография, но Н. П. Рклицкий, ныне архиепископ Никон, был в эмиграции ближайшим другом и сотрудником митрополита Антония, и если бы последний имел столько времени и усердия, чтобы написать 10 томов своей биографии, то, наверное, написал бы то же самое.

Митрополит Антоний (Алексей Павлович Храповицкий, 1863–1936) в 1885 году окончил Петербургскую Духовную академию и принял монашество. Был ректором сначала Московской, а потом Казанской Духовных академий; в 1900–1902 годах был епископом Уфимским, в 1902–1914 годах – епископом Волынским. С 1907 года был членом Государственной Думы, где входил во фракцию «правых» и своими речами вызывал неприязненную критику либеральной печати. В 1914–1917 годах был архиепископом Харьковским, в 1918–1920 годах – митрополитом Киевским и Галицким. Участвовал во Всероссийском Церковном Соборе 1917–1918 годов и был одним из трех кандидатов на Патриарший престол. В эмиграции возглавлял Русскую Зарубежную (или Синодальную) Церковь. Митрополит Антоний был выдающимся духовным писателем; его многочисленные сочинения по вопросам богословско-догматическим, церковно-политическим и литературным составили 7 томов, подготовленных к печати его биографом и другом архиепископом Никоном (изд. в Нью-Йорке в 1963–1969 годах). В его жизнеописании первые 4 тома относятся ко времени до 1920 года, последние 6 – ко времени эмиграции.

Другим выдающимся российским и зарубежным иерархом был митрополит

Евлогий (Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946). Он родился в семье священника в Тульской губернии. Окончил Московскую Духовную академию в 1892 году и в 1895-м принял монашество. В 1897–1902 годах был ректором Холмской семинарии; в 1903-м стал викарным епископом Варшавской епархии. Был членом 2-й и 3-й Государственных Дум (1907–1912) и содействовал премьер-министру П. А. Столыпину в проведении закона об образовании особой Холмской губернии и епархии в целях борьбы в Холмщине с полонизмом, католицизмом и униатством. Был архиепископом Холмским в 1912–1914 годах и архиепископом Волынским в 1914–1919 годах. Покинул Россию в 1920-м. В эмиграции проживал в Париже и был митрополитом западноевропейских русских церквей.

Воспоминания митрополита Евлогия носят заглавие «Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной» (Париж, 1947). Первая половина большого (676 с.) тома занята интересным рассказом о русской жизни на рубеже XIX и XX веков, конечно, главным образом о жизни церковной, но тесно переплетавшейся с общегосударственной жизнью; вторая половина книги подробно излагает историю Русской Зарубежной Церкви в Европе, со всеми ее трудностями и конфликтами.

Пятой автобиографией, которую я хочу упомянуть, были воспоминания протопресвитера Шавельского «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота» (Нью-Йорк, 1954). Георгий Иванович **Шавельский** (1871–1951) родился около Витебска, в семье дьячка. Окончил Витебскую семинарию и в 1895 году был рукоположен во священника. Потом окончил Петербургскую Духовную академию (1902). В 1911 году был назначен главным священником (протопресвитером) армии и флота. В 1915–1917 годах был членом

Святейшего Синода. В эмиграции был профессором Софийского университета. Во время войны протопресвитер Шавельский находился при Ставке Верховного Главнокомандующего (сначала – Великого князя Николая Николаевича, потом – Императора Николая), и его близость к высшим сферам открывала ему широкое поле для интересных наблюдений. Следует лишь отметить, что в его воспоминаниях явно сказывается модная обличительная тенденция по отношению ко временам «царизма».

При обозрении поля вышедших в эмиграции монографических трудов по истории Русской Церкви (помимо указанных выше общих курсов А. В. Карташева, Н. Д. Тальберга и И. К. Смолича) мое внимание останавливается на пяти авторах: это Н. С. Арсеньев, С. Н. Булгаков, Н. М. Зернов, Г. П. Федотов и Г. Ф. Флоровский. Я не знаю, в каком научно-иерархическом порядке надлежало бы расположить этих авторов, поэтому располагаю их просто в алфавитном порядке⁴.

Николай Сергеевич **Арсеньев** (родился в 1888 году) в 1910 году окончил историко-филологический факультет Московского университета (см. его воспоминания о Московском университете в первом томе «Записок Р. А. Г.»); в 1912-м сдал магистерские экзамены и стал приват-доцентом по кафедре западноевропейской литературы; в 1918-м был избран профессором Саратовского университета; покинул Россию в 1920 году; был лектором, потом профессором университета в Кенигсберге (где в 1924 году получил степень доктора философии) и одновременно был профессором на православном Богословском факультете Варшавского университета. С 1948 года – профессор Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке.

Профессор Н. С. Арсеньев написал много книг на темы русской духовной культуры на русском, английском, немецком и французском языках (список

их см. в книге профессора Н. М. Зернова: «Русские писатели в эмиграции», с. 10–11).

Профессор Н. С. Арсеньев обладает широкой и глубокой эрудицией в области русской духовной культуры, в частности в истории Православной Церкви и русской литературы. Начиная с вышедшей в Берлине в 1926 году небольшой книги «Восточная Церковь» (нем.), он подготовил и издал ряд ценных монографий по истории русской духовной культуры, включая в свои труды и историю Русской Церкви, ибо, по его убеждению, Православная Церковь в ходе русской истории была главной движущей силой культурного развития русского народа: «Восточная Церковь была великой воспитательницей русского народа. От нее он получил свой «позвоночник», духовное содержание и смысл своей жизни. Высшие достижения русской культуры и духовной жизни и русского художественного творчества связаны – прямо или косвенно – с этой духовной основой» («О духовной судьбе русского народа», нем., с. 85). В только что названной книге глава 4-я говорит об основном характере Восточной Церкви (выделяя в особенности Таинство Евхаристии и праздник Воскресения Христова), а глава 5-я говорит о влиянии Церкви на духовную жизнь народа, причем приводится – из жизни и из литературы – много примеров благочестия, героизма и самопожертвования. В этой и в других книгах Н. С. Арсеньева приводится много литературных цитат, автор – большой знаток и ценитель русской литературы, особенно поэзии.

В книге «Русское благочестие» (франц.) содержится характеристика Православной Церкви и русского благочестия (со многими примерами) и описывается роль церковных обрядов и обычаем в жизни русского народа.

В книге «Святая (или священная) Москва» (англ.) автор рисует картину

духовной жизни России в XIX веке; он говорит о том, как тесно русская культурная жизнь была связана с религиозной основой русской культуры, как полно русский быт был насыщен религиозными обрядами и обычаями; говорит о церковных и монастырских подвижниках и о светских религиозных философах.

Следует оговориться, что Н. С. Арсеньев не является «однобоким» поклонником дореволюционной России и не считает Православную Русь каким-то изолированным культурным островом. В книге «Из русской культурной творческой традиции» (Посев, 1959) он говорит: «Конечно, не следует однобоко идеализировать. Много, очень много печального, отрицательного было в ткани русской жизни, много грехов и вин. Тяжелы и темны были часто судьбы русского народа, особенно крестьянства...» (с. 10). И характерной основной чертой русской культуры XIX века он считает творческий синтез национально-религиозной русской культуры и светской культуры Запада: «Великий культурный синтез XIX века произошел как результат встречи двух духовных начал, двух культур: своего национального русского начала, в значительной степени напитанного и оплодотворенного традицией Православной Восточной Церкви, и начала западного...» (с. 11). «Особенно значительно для русской культуры XIX века было творческое взаимодействие Запада и Востока, творческий синтез родного своего и западноевропейского духовного достояния» (с. 152).

Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), сын священника, учился в семинарии, но в ранней юности (14–15 лет) потерял веру, ушел из семинарии и стал, по выражению его «автобиографических записок», «блудным сыном» Православной России, «жертвой мрачного революционного нигилизма» в его марксистской разновидности. Окончил московскую гимназию и Московский универси-

тет и был профессором политической экономии сначала в Киевском политехническом институте, потом в Московском коммерческом институте и в Московском университете. Опубликовал несколько больших трудов по политической экономии, сначала в марксистском стиле; но в начале XX века в нем происходит поворот «от марксизма к идеализму» (заглавие сборника статей, изданного в 1903 году), а в 1918-м он принимает священство. В 1923 году он покинул Россию, и с 1925-го до конца жизни был профессором догматики и деканом Православного Богословского института в Париже.

В эмиграции отец Сергий Булгаков написал много богословских трудов, вызвавших в церковных кругах и высокую оценку, и возражения, вплоть до обвинения в ереси.

Для истории Русской Церкви и общего состояния русского культурного слоя на рубеже XIX и XX веков несомненный интерес имеют живо написанные «Автобиографические записки» отца Сергия Булгакова, изданные посмертно (1946), с предисловием и примечаниями его близкого сотрудника Л. А. Зандера. К разочарованию в марксизме у С. Н. Булгакова скоро присоединилось разочарование в русской «левой» интеллигенции в целом. В 1907 году он был членом 2-й Государственной Думы, и эта «левая» Дума произвела на него удручающее впечатление собрания, «абсолютно непригодного ни для какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне» (с. 80).

В Париже в 1931 году вышла книга отца Сергия Булгакова «Икона и иконопочитание», а в 1932-м – книга «Православие» (франц.), излагающая догматы Православной Церкви, иерархическое устройство, таинства, обряды, иконопочитание, мистицизм, основы христианской этики, отношение Церкви к обществу и государству. В 1965 году в Париже вышла (в издательстве «ИМКА»)

книга отца Сергея Булгакова «Православие. Очерки учения Православной Церкви». Тексту книги предшествует составленный Л. А. Зандером «Краткий очерк жизненного пути и творческого подвига нашего незабвенного отца и учителя».

Николай Михайлович **Зернов** родился в 1898 году в Москве, в семье врача. Покинул Россию в 1921 году. Окончил Богословский факультет Белградского университета (1925). В Париже (1925–1932) был секретарем Русского Студенческого Христианского Движения и редактором «Вестника РСХД». Переехал в Англию, где был лектором по восточной православной культуре в Оксфордском университете. Доктор философии и доктор богословия Оксфордского университета. Автор многих обзоров и монографий по истории Восточной Церкви вообще и по истории Русской Православной Церкви (список их приведен на с. 54-й составленной Н. М. Зерновым весьма полезной справочной книги «Русские писатели эмиграции»).

В изложении профессора Н. М. Зернова история Русской Церкви переплетается с историей Русского государства и народа и с историей русской духовной культуры – как они переплелись в действительности.

Большинство книг Н. М. Зернова было издано на английском языке. Я приведу здесь заглавия некоторых его книг, их содержание и цитаты из них в русском переводе (их английские заглавия см. в библиографическом списке в конце этого очерка).

В 1945 году в Лондоне вышла книга Н. М. Зернова «Русские и их Церковь». В 1-й главе описываются те первоначальные изменения, которые были внесены в жизнь киевского общества и государства принятием христианства, а 2-я глава описывает создание русской народности и русской культуры под влиянием новой религии. За 250 лет от

Крещения Руси до татарского нашествия христианская Церковь создала из разрозненных племен народ со своим языком и культурой: «Христианская Церковь была для русского человека его университетом, (а храм был) его театром, его концертным залом, его картинной галереей» (с. 17). В XIV веке подавленная татарским игом Русь начинает оправляться под управлением московских князей и при содействии митрополитов Петра и Алексия и особенно Преподобного Сергия Радонежского (которому автор посвящает всю 5-ю главу): «Святой Сергий совершил чудо с русским народом: он превратил побежденный (угнетенный) народ в созидателей (строителей) великого государства» (с. 42). Следующие главы говорят о возникновении гордой идеи: Москва – Третий (и последний) Рим; о жизни Церкви в XVI веке; о важной национально-государственной роли Церкви (особенно Патриарха Гермогена и Троице-Сergиева монастыря) в Смутное время; о жизни Церкви в XVII веке и о трагедии церковного раскола, в которой, по мнению автора, больше других виноват был Патриарх Никон (см. ниже); о петровской церковной реформе, которую автор считает несчастьем и пленом Русской Церкви (см. ниже); о жизни Церкви в XVIII–XIX веках, когда Церковь, подавленная бюрократической опекой «полицейского государства», все же «пережила это несчастье» и сохранила свою «жизненность». Глава 15-я носит заглавие: «Святые, миссионеры и пророки» и описывает духовно-культурные достижения Русской Церкви в XVIII–XIX веках, включая возрождение монашества (после ран, нанесенных ему Петром I и Екатериной II), появление старчества (Оптиной пустыни), расцвет богословской литературы и широко раскинувшееся миссионерство (внутри Империи и за ее пределами). Автор отмечает странное противоречие в жизни Русской Церкви в это время: придав-

ленная извне мертвящей опекой имперской бюрократии, «Церковь была внутренне свободна и испытывала дыхание («излияние») Святого Духа больше чем когда-либо в ее истории» (с. 139). Глава 16-я носит заглавие: «Падение империи и восстановление Патриаршества».

В 1952 году в Париже вышла (в издательстве «ИМКА») книга Н. М. Зернова «Вселенская Церковь и русское Православие»; в ней две большие главы (гл. 3 и 4, с. 98–240) посвящены истории Русской Церкви. Мы остановимся здесь только на двух ключевых пунктах: происхождение раскола и церковная реформа Петра Великого. Автор обвиняет в возникновении раскола деспотический образ действий Патриарха Никона в деле исправления церковных книг и обрядов: он «действовал не как пастырь, а как насильник» и оттолкнул от себя «лучших церковных людей» (с. 160). «Основной причиной раскола (я сказал бы: «первоначальным поводом», как говорит автор на той же странице. – С. П.) было сопротивление лучшей части русского духовенства и паствы насилию над Церковью, учиненному Патриархом (с. 160). По своим дарованиям «Никон мог бы много пользы принести Церкви и народу, но его самомнение и гордость сделали его не созидателем, а разрушителем – одним из виновников раскола в Православной Церкви» (с. 163). К петровской церковной реформе Н. М. Зернов относится с суровым осуждением. Духовный Регламент, по его мнению, «ближе к сатире, придирчивой и злобной, чем к акту верховного законодательства». «Петр Великий лишил Церковь ее самостоятельности. Она стала одной из частей государственного механизма» (с. 177). «Начиная с Петра Великого, Русская Церковь попала в плен империи... Духовный Регламент был актом государственного насилия над Церковью, который она терпела до революции 1917 года» (с. 181–182).

В 1961 году в Лондоне вышла книга Н. М. Зернова «Восточное христианство. Исследование о начале и развитии Восточной Православной Церкви». Она излагает историю Церкви от жизни Христа до XX столетия, включая в свой обзор и историю Русской Церкви. В последних главах излагается вероучение Церкви, богослужение, таинства и обряды, церковное искусство.

Кроме общих обзоров профессор Н. М. Зернов опубликовал ряд монографий на темы церковной и общекультурной русской истории: «Москва – Третий Рим» (Лондон, 1937); «Святой Сергий, строитель России» (Лондон, 1939); «Три русских пророка (Хомяков, Достоевский, Соловьев)» (Лондон, 1944, переизд. 1973); «Русское религиозное возрождение XX века» (рус. и англ., Париж – Лондон, 1973).

Георгий Петрович **Федотов** (1886–1951) в студенческие годы был марксистом и членом социал-демократической партии; в 1906-м эмигрировал и изучал историю в Германии; по возвращении в Россию (1908) окончил историко-филологический факультет в Петербурге и был преподавателем истории в Петербурге, потом в своем родном Саратове. Покинул Россию в 1925 году. Был преподавателем Богословского института в Париже и редактором сборников «Новый Град» (1931–1940). В 1943 году переехал в США и был преподавателем Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке.

В 1931 году в Париже (в издательстве «ИМКА») вышла книга Г. П. Федотова «Святые древней Руси, X–XVII ст.» (переизд. в 1960 году). В ней автор, используя свое обширное знание житийной литературы, дает жизнеописания и характеристики выдающихся святых Русской Церкви – от святых князей-мучеников Бориса и Глеба до Серафима Саровского. Он высказывает также общие суждения о характере русской святости, и мы приведем здесь некоторые

из его заключений. Главное впечатление при изучении русской святости – «ее светлая мерность, отсутствие радикализма, крайних и резких отклонений от завещанного древностью христианского идеала. В монашестве почти не видим жестокой аскезы, практики самоистязаний. Господствующая аскеза русских святых – пост и труд» (с. 248). Социально-хозяйственная жизнь монастыря «получает свое религиозное оправдание лишь в его социальном служении миру. С необыкновенной силой все русские святые иноки настаивают на милость и благотворительности как условии духовного процветания своих обителей» (там же).

По мнению Г. П. Федотова, в последней четверти XVII века живая святость покинула Русь: «Петр разрушил лишь обветшалую оболочку святой Руси» (с. 204). Однако и в императорский период «духовная жизнь теплится и в монастырях, и в скитах, и в миру» (с. 253). Серафим Саровский («величайший из святых древней и новой России») «распечатал синодальную печать, наложенную на русскую святость», а старец Паисий Величковский воскресил мистическую традицию старчества. «Оптина пустынь и Саров делаются двумя центраторами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия» (с. 253–254). В 1946 году вышла изданная Гарвардским университетом (и переизданная в 1960 и 1966 годах) книга Г. П. Федотова «Русская религиозность. Киевское христианство»; в ней содержится подробное и всестороннее описание религиозной жизни и творчества первых веков русского христианства (автор начинает характеристикой византийского христианства): христианское учение; этика; монашество; святые древней Руси; аскетизм; ритуализм; проповедничество; русские летописи в их отношении к религии; одна глава посвящена «Слову о полку Игореве» – единственному (дошедшему до нас)

произведению светской литературы этого периода.

Второй том этой книги – «Средние века» (1946; 1966) – содержит историю русского христианства в XIII–XV веках.

В 1948 году вышла книга Г. П. Федотова «Сокровищница русского духовного творчества» (Нью-Йорк и Лондон, англ.). В ней автор дает описание жизни и духовного творчества наиболее выдающихся духовных столпов Православной России: Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Нила Сорского, протопопа Аввакума, Тихона Задонского, Серафима Саровского, Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского («самого знаменитого русского проповедника XIX века»), отца Иоанна Кронштадтского, отца Александра Ельчанинова.

Кроме названных выше книг в 1928 году в Париже (в издательстве «ИМКА») вышла книга Г. П. Федотова: «Святой Филипп, митрополит Московский».

Профессор протоиерей Георгий Васильевич **Флоровский** родился в Одессе в 1893 году и окончил Новороссийский университет в 1916 году. В эмиграции в 20-х годах занимался научной и педагогической работой в Праге, потом был профессором патрологии в Богословском институте в Париже (1926–1939). В США – профессор и декан Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке (1939–1955); профессор Гарвардского, потом Принстонского университетов.

Отец Георгий Флоровский – автор двух монографий о восточных и византийских отцах Церкви (IV–VIII веков), изданных в Париже в 1931 и 1933 годах. В 1972–1973 годах издательством «Нордланд» (Белмонт, Массачусетс, США) были изданы, в английском переводе, два тома богословских и культурно-исторических сочинений отца Георгия Флоровского.

Для истории Русской Церкви весьма важен его капитальный труд «Пути рус-

ского богословия» (изданный в Париже в 1937 году и переизданный Мичиганским университетом в 1964-м). Я не берусь оценивать книгу отца Георгия Флоровского как историю русского богословия (по своей некомпетентности в богословских науках), но как историк я должен отметить исключительно широкую и глубокую эрудицию автора и в области истории Русской Церкви, и в области общекультурного развития России. Его обширная библиография занимает 54 страницы мелкого шрифта (с. 521–574) и включает множество сочинений по истории духовной культуры России, помимо трудов собственно богословских и церковно-исторических.

Передадим вкратце содержание книги Г. В. Флоровского, поскольку оно переплетается с российской церковной историей.

Глава 1-я – «Кризис русского византизма». Глава 2-я – «Встреча с Западом» (XVII). Глава 3-я – «Противоречия XVII века» (история раскола). Глава 4-я – «Петербургский переворот».

Церковная реформа Петра – «это был властный и резкий опыт государственной секуляризации» (с. 82). «Духовенство обращается в своеобразный служилый класс» (с. 84). «Петр в России хотел церковное управление организовать так, как оно было организовано в протестантских странах» (с. 85). «С петровской реформы «начинается „авилонское пленение“ Русской Церкви» (с. 89). «Но все же в целом петровская реформа „не удалась“, и Духовный Регламент – „только программа“» (с. 88).

Глава 5-я – «Борьба за богословие» – содержит историю Церкви и духовного просвещения в первой половине XIX века: открытие четырех Духовных академий; Библейское общество и перевод Священного Писания на русский язык; работа Духовных академий и семинарий. О Духовной школе первой половины XIX века обличителями «бурсы» было рассказано «слишком много дур-

ногого и мрачного» – «и нужно признать, что в ней было много серьезных изъянов: грубость нравов, материальная бедность, формализм в преподавании» (с. 230). «Однако все эти бесспорные недостатки в последнем счете не обесценивали творческих порывов тогдашних поколений. И общее историко-культурное значение этих дареформенных Духовных школ приходится признать положительным и оценивать его высоко. Ведь именно эта духовношкольная сеть оказалась подлинным социальным базисом для всего развития и расширения русской культуры и просвещения в XIX веке... Именно **семинарист** в течение десятилетий оставался строителем русского просвещения в самых разных областях... Ведь разночинец чаще всего и был семинарист... История русской науки и учености вообще самым кровным образом связана с Духовной школой и с духовным сословием» (с. 231). В главе 6-й – «Философское пробуждение» – автор утверждает, что «вся история русской интеллигенции проходит в прошлом веке под знаком религиозного кризиса» (с. 292).

Глава 7-я – «Историческая школа» – говорит о деятельности Духовной школы, о духовных периодических изданиях, о развитии церковно-исторической науки в XIX веке, причем автор дает характеристики трудов всех крупных историков Церкви. Он высоко оценивает исторические труды и метод архиепископа Филарета (Гумилевского) (с. 365–366), тогда как митрополит Макарий «остается в истории только собирателем известий и текстов» (с. 366). Не весьма сочувственно относится автор к обличительному критико-скептиче-

скому методу самого крупного историка «московской школы» Е. Е. Голубинского: «Житейскую недоверчивость и подозрительность Голубинский превращает в исторический метод»; «это был историк-публицист» (с. 372).

Глава 8-я – «Накануне». Здесь излагается история Церкви и религии в конце XIX и в начале XX века, стремление к церковной реформе (к восстановлению соборного строя и Патриаршества) и работы Предсоборного Присутствия; развитие научной деятельности Духовных академий; пробуждение религиозно-философских интересов в интеллигентном обществе, выразившееся в религиозно-философских собраниях в Петербурге в 1901–1903 годах и затем в учреждении Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева (1907) и в издании ряда трудов на религиозно-философские темы; впрочем автор, как православный священник, отмечает «двумысленность и неустойчивость» религиозно-философского движения интеллигенции (с. 493).

Гл. 9-я (заключительная) – «Разрывы и связи» – излагает религиозно-философские воззрения автора.

Мой очерк, конечно, далеко не исчерпывает богатого содержания русской церковно-исторической литературы. В дополнение к нему приводятся два библиографических списка. В первый включены те сочинения (книги) на русском языке, о которых не упоминается в тексте очерка; во второй – сочинения русских и иностранных авторов на иностранных языках, включая те сочинения, заглавия которых в тексте даются в русском переводе.

СПИСОК КНИГ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
(кроме упомянутых в тексте)⁵

- Аристов Н. Я. Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. СПб., 1888.
- Арсеньев Н. С. Православие, католицизм, протестантизм. 2-е изд. Париж, 1948.
- Архангельский А. С. Преподобный Нил Сорский // Памятники древней письменности / Общество любителей древней письменности. Т. 25. СПб., 1882; перепечат. изд-вом «Мутон» (1966).
- Барсов Т. В. Константинопольский Патриарх и его власть над Русской Церковью. СПб. 1878; перепечат. изд-вом «Мутон» (1968).
- Барсов Т. В. Св. Синод в его прошлом. СПб., 1896; Синодальные учреждения прежнего времени. СПб., 1897; Синодальные учреждения нового времени. СПб., 1899.
- Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882 (алфавитный список святых Русской Церкви с краткими биографическими сведениями о каждом из них и с многочисленными цитатами из источников).
- Беднов Е. Д. Православная Церковь в Польше и в Литве. Екатеринослав, 1908.
- Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX ст. Казань, 1899; 2-е изд. 1900.
- Бухарев И. Жития всех святых, празднуемых православною Греко-Российскою Церковию. М., 1896; 2-е изд. 1906.
- Васильев В. П. Очерк истории канонизации русских святых // Чтения Московского общества истории и древностей. Кн. 3. М., 1893.
- Верховский С. С. Православие в жизни: Сборник статей под ред. С. С. Верховского. Нью-Йорк., 1953.
- Гиббенет Н. Историческое исследование дела Патриарха Никона. I-II. СПб., 1882–1884 (в приложении много документов).
- Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928 (глава XI – Русская церковная история; библиография).
- Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Mogila и его сподвижники. I-II. Киев, 1883–1898.
- Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903.
- Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1893; 2-е изд: М., 1909.
- Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. I-II. М., 1852; 1879.
- Горский А. В. Максим Грек, Святогорец. М., 1859.
- Горчаков М. И. Монастырский приказ. СПб., 1868.
- Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, Патриархов и Святейшего Синода. СПб., 1871 (перепечат. Мичиганским университетом, 1965).
- Денисов Л. И. Православные монастыри Российской Империи: Полный список всех 1105 ныне существующих мужских и женских монастырей. М., 1908.
- Димитрий, епископ. Месяцеслов (церковный календарь). 1-е изд. 1878–1883; 2-е изд. 1893–1901.
- Жевахов Н. Д., кн. Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода. Т. I. Мюнхен, 1923; т. II. Новый Сад, 1928.
- Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
- Жуковский П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 года. СПб., 1901.
- Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский. Париж, 1925.
- Зеньковский В. В. История русской философии. I-II. Париж, 1948–1950.
- Иванцов-Платонов А. И. О русском церковном управлении. М., 1898.
- Игнатий, архимандрит. Краткое жизнеописание русских святых. I-II. СПб., 1875.
- Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.

- Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1866; 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1915.
- Ильин В. Н. Преподобный Серафим Саровский. Париж, 1925; Нью-Йорк, 1971.
- Иоанн, архиепископ (кн. Д. А. Шаховской). Белое иночество. Берлин, 1932.
- Иоанн, архиепископ (кн. Д. А. Шаховской). Философия православного пастырства. Берлин, 1938.
- Казанский П. С. История православного русского монашества (до середины XIV в.). М., 1855.
- Карсавин Л. П. Отцы и учителя Церкви. Париж, 1926.
- Кириллов И. Москва – Третий Рим. М., 1914.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; перепечат. изд-вом «Мутон» (1968).
- Ключевский В. О. Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства // Очерки и речи. М., 1913.
- Ключевский В. О. Церковь в России (общее заглавие для трех разновременных лекций). Париж, 1969.
- Кологривов Иоанн, иеромонах. Очерки по истории русской святыни. Брюссель, 1961 (перевод с франц.).
- Константин, архимандрит (профессор Кирилл Иосифович Зайцев). Св. Серафим Саровский и пути России. Ладомирово, 1939.
- Константин, архимандрит (профессор Кирилл Иосифович Зайцев). Материалы к изучению святой Руси. Ладомирово, 1940.
- Константин, архимандрит (профессор Кирилл Иосифович Зайцев). К познанию православия. Шанхай, 1948.
- Концевич И. М. Оптина пустынь и ее времена. Джорданвиль, 1964.
- Костомаров Н. И. Деятели Русской Церкви в старину. Мюнхен, 1922.
- Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I–II. СПб., 1876–1880. Т. I : I. Князь Владимир Святой; III. Преподобный Феодосий Печерский; X. Преподобный Сергий; XII. Соловецкие чудотворцы; XIV. Новгородский архиепископ Геннадий; XVI. Преподобный Нил Сорский и Вассиан, князь Патрикеев; XVII. Максим Грек; XXII. Князь Константин Константинович Острожский; XXVIII. Патриарх Гермоген; XXIX. Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын. – Т. II: II. Киевский митрополит Петр Mogila; IX. Голятовский, Радивиловский и Лазарь Баранович; X. Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий и их преемники; XIV. Ростовский митрополит Дмитрий Туптало; XIX. Архиепископ Феофан Прокопович.
- Коялович М. О. Литовская (то есть Брест-Литовская) церковная уния. I–II. СПб., 1859–1862.
- Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873.
- Кудрявцев М. История православного монашества в Северо-Восточной России со времени Преподобного Сергия. 1881.
- Лавров А. Очерк истории Русской Церкви. М., 1880; 5-е изд. 1902.
- Лебедев А. П. Соб. соч. Т. I. Церковная историография... М., 1898 (о церковно-исторической науке в России. С. 490–520).
- Лебедев М. Макарий, митрополит Всероссийский. М., 1877.
- Леонид, архимандрит. Святая Русь, или сведения о всех святых и подвижниках на Руси (до XVIII в.). СПб., 1891.
- Лопухин П. С. Преподобный Серафим Саровский и пути России. Ладомирово, 1939.
- Ляшевский Стефан, протоиерей. История христианства в земле Русской с I века по XI. Балтимора, 1968.
- Маевский В. А. На ниве церковной: Исторические справки. Мадрид, 1968.
- Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
- Нафанаил, епископ (Вас. Влад. Львов). Жития святых. Мюнхен, 1969–1972.
- Никитский А. И. Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879.
- Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1881–1894 гг. СПб., 1901.
- Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871.
- Папков А. А. Братства: Очерк истории западнорусских православных братств. М., 1900.
- Пархоменко В. А. Начало христианства на Руси. Полтава, 1913.

Полный православный энциклопедический словарь. I–II. СПб., 1913 (полезный справочник, но далекий от полноты и не очень точный).

Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь. Т. 1–12 (А–К). СПб., 1900–1911.

Пушкирев С. Г. Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственностисти. Ладомирово, 1938 (небольшая, но содержательная книжечка).

Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852.

[Ростиславов Д. И.] О православном белом и черном духовенстве в России. I–II. Лейпциг, 1866 (без имени автора; подробное описание и суровая критика современного состояния Православной Церкви).

Рункевич С. Г. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. I. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода, 1721–1725. СПб., 1900; Т. II. Русская Церковь в XIX в. СПб., 1901.

Рязановский В. А. Обзор русской культуры. I–II. Нью-Йорк, 1947–1948 (почти в каждой главе есть отдел «Религия, просвещение, литература»).

Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Соч. Т. V. М., 1880.

Сергиевский Н. Святитель Тихон, епископ Воронежский и Задонский. М., 1898 (перепечат. Джорданвилль, 1965).

Серебрянский Н. И. Очерк по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908 («Чтения» Московского общ-ва истории и древностей за 1908 год).

Смирнов Н. П. Златая цепь святости на Руси. Буэнос-Айрес, 1958.

Соловьев А. В. Святая Русь: Очерк развития религиозно-общественной идеи. Белград, 1927.

Ставровский А. В. Христианская Россия. Буэнос-Айрес, 1954.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.

Строев П. М. Списки иерархов Российской Церкви. СПб., 1882.

Субботин Н. И. Дело Патриарха Никона. М., 1862.

Суворов Н. С. Учебник церковного права. 4-е изд. М., 1912.

Тельберг Г. Г. Заря христианства на Руси. Шанхай, 1939.

Титов Ф. И. Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв.

Киев; 2-е изд. Западная Русь в борьбе за веру и народности в XVII–XVIII вв. Киев, 1905.

Тимофеевич А. Преподобный Серафим Саровский. Изд. монастыря «Новое Дивеево», Спринг-Вэлли, 1953.

Тихомиров Н. Галицкая митрополия. СПб., 1896.

Троицкий Димитрий, протоиерей. Житие преподобного Серафима Саровского и его торжественное прославление. Таллин, 1939.

Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914; перепечат. изд-вом «Мутон» (1968).

Четвериков Сергий, протоиерей. Оптина пустынь. Париж, 1926.

Четвериков Сергий, протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский. I–II. Печоры, 1938.

Чижевский И. Л. Устройство Православной Российской Церкви, ее учреждений и действующие узаконения по ее управлению. Харьков, 1898.

Чистович И. А. Очерк истории западнорусской Церкви. I–II. СПб., 1882–1884.

Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1879; 2-е изд. 1899.

Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время: СПб., 1891 (и в «Записках ист.-фил. фак. СПб. ун-та». Т. 24).

Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1954 (гл. 7-я: «Русское православие», с. 340–388, представляет краткий, но содержательный обзор).

Шпаков А. Я. Государство и Церковь в их взаимоотношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Т. I. Киев, 1904; Т. II. Царствование Федора Ивановича и учреждение Патриаршества. Одесса, 1912.

Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XVII–XVIII вв. СПб., 1912.

СПИСОК КНИГ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- Amman A. M. S. J.* Abriss der ostslavischen Kirchengeschichte. Wien, 1950.
- Andreyev Nikolay.* Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine Inheritance. London, 1970 (partly in Russian).
- Arseniew N. S.* Die Kirche des Morgenlandes. Berlin, 1926 (Sammlung Göschen, 918).
- Arseniew N. S.* Ostkirche und Mystik. München, 1925; 1943.
- Arseniew N. S.* Holy Moscow: Chapters in the Religious and Spiritual Life of Russia in the 19th Century. N. Y., 1940.
- Arseniew N. S.* Von dem Geist und dem Glauben der Kirche des Ostens. Leipzig, 1941;
- Arseniew N. S.* La Piété Russe. Neuchatel (Switzerland), 1963. Translation: Russian Piety. London, 1964.
- Arseniew N. S.* Die geistigen Schicksale des Russischen Volkes. Graz-Wien-Köln, 1966.
- Billington James H.* The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. N. Y., 1966.
- Bogolepov Alexander A.* Church Reforms in Russia 1905-1918. Bridgeport, Conn., 1966.
- Boulgakoff S. N.* Archpriesi. L'Orthodoxie. Paris, 1932; 1958. Translation: The Orthodox Church. London, 1935.
- Bubnov N. N.* Östliches Christentum. I-II. München, 1925; III. 1956.
- Cracraft James.* The Church Reform of Peter the Great. Stanford U. Press, 1971.
- Curtiss John Sh.* Church and State in Russia. The Last Years of the Empire, 1900-1917. N. Y., 1940.
- Eck A.* Le Moyen Age Russe. Paris, 1933.
- Evdokimov P. N.* L'Orthodoxie. Paris, 1959.
- Fedotov G. P.* Russian Religious Mind. Vol. 1: Kiervan Christianity. The 10th, to the 13th Centuries. Vol. II: The Middle Ages. The 13th to the 15th Centuries. Harvard U. Press, 1946; 1966. Kievan Christianity in Harper Torchbooks, N. Y., 1960; 1965.
- Fedotov G. P.* Treasury of Russian Spirituality. N. Y., 1948.
- Florovsky George, Archpriest, Professor.* Collected Works. Vol. 1: Bible, Church, Tradition: an Eastern Orthodox View. Vol. II: Chistianity and Culture. Belmont, Mass., 1972.
- Fortescue Adrian.* Orthodox Eastern Church. London, 1904; 1907; 1916; 1920.
- Grunwald Constantin.* Quand la Russie avait des Saints. Paris, 1958. Translation: Saints of Russia. London, 1960.
- Iswolsky, Hélène.* Soul of Russia. Milwaukee, 1943.
- Iswolsky, Hélène.* Christ in Russia: the History, Tradition and Life of the Russian Church. N. Y., 1960; London, 1962.
- Kologrivooff Ivan.* Essai sur la sainteté en Russie. Bruges, 1953.
- Kovalevskii P. E.* Exposé de la Foi Catholique-Orthodoxe. Paris, 1957.
- Kulomzina Sophia.* The Orthodox Christian Church through the Ages. N. Y., 1956.
- Lagovskii I. A.* Die russische Orthodoxe Kirche. Riga, 1938.
- Leroy-Beaulieu Anatole.* L'empire des tsars et les Russes, I-III. Paris, 1881-1889. Translation: The Empire of the Tsars and the Russians. London, 1896; 1903. Part III: The Religion.
- Lossky N. O.* History of Russian Philosophy. N. Y., 1951.
- Lowrie Donald A.* The Light of Russia. An Introduction to the Russian Church. Prague, 1923.
- Medlin W. K.* Moscow and East Rome. A Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia. Geneve, 1952.
- Meiendorf I. F., Archpriest.* The Orthodox Church. London, 1964.
- Miliukow Paul.* Outlines of Russian Culture (3 vols.). Part. 1: Religion and the Church. Ed. by M. Karpovich. Pennsylvania U. Press, Philadelphia, 1943; Barnes, N. Y. 1960.
- Palmer William.* The Patriarch [Nikon] and the Tsar (6 vols.). London, 1871-1976; 2nd ed. 1905.
- Pierling Paul S. J.* La Russie et le St. Siège (3 vols.). Paris, 1896-1901; 1907.
- Schmemann Alexander, Archpriest.* The Historical Road of Eastern Orthodoxy. N. Y., 1963.
- Seraphim (Lade), Mitropolit.* Die Ostkirche. Stuttgart, 1950.

Smolich Igor. Geschichte der russischen Kirche, 1700–1917. Erster Band (1700–1869). Leiden, 1964 (Bibliography. P. XV–LVII).

Smolich Igor. Russisches Mönchtum: Entstehung, Entwicklung und Wesen, 988–1917. Würzburg, 1953.

Smolich Igor. Leben und Lehre der Starzen. Wien, 1936; Köln, 1952.

Solov'ev A. V. Holy Russia, the History of a Religious-Social Idea. Mouton Publishers, 1959.

Teodorovich Nicholas. The Great Prince Vladimir. His Life and Work, 1957.

Treadgold Donald W. The West in Russia and China. Religious and Secular Thought in Modern Times. Vol. 1: Russia, 1472–1917. Cambridge U. Press, 1973.

Tschižewskij Dmitrij. Das heilige Russland. Russische Geistes Geschichte. I. 10–17 Jakrhundert. Hamburg, 1959.

Zenkovsky V. V. History of Russian Philosophy (2 vols.). N. Y., 1953.

Zernov N. M. Moscow the Third Rome. N. Y.–London, 1937.

Zernov N. M. St. Sergius Builder of Russia. London, 1939.

Zernov N. M. The Church of the Eastern Christians. N. Y.–London, 1942.

Zernov N. M. The Russians and Their Church. N. Y.–London, 1945.

Zernov N. M. The Christian East. Delhi, 1956.

Zernov N. M. Eastern Christendom. A Study of the Origin and Development of the Eastern Orthodox Church. N. Y.–London, 1961.

Zernov N. M. The Russian Religions Renaissance of the XX Century. N. Y.–London, 1963.

Zernov N. M. Three Russian Prophets (Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev). London, 1944.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное заглавие: «Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре. 1921–1972». Составитель Николай Зернов. Бостон, 1973.

² Правда, что и в допетровской Руси Церковь не была независима от государства и поставление новых иерархов зависело от воли царской, но все же Церковь составляла особую организацию, автономную в своей внутренней жизни, и светское правительство в отношениях к Церкви и религии было связано некоторыми вековыми традициями и обычаями, тогда как Петр превратил церковную организацию в одну из отраслей общегосударственного управления (под бдительным надзором светского чиновника – обер-прокурора), а духовенство сделало своего рода служилым государственным сословием.

³ Об отце Иоанне Кронштадтском было написано много книг, статей и воспоминаний как при жизни, так и по смерти его (список их см. в названной ниже книге отца А. Семенова-Тяншанского). Еще при жизни его была издана книга: *Михаил иеромонах, доцент Петербургской Духовной академии*. Отец Иоанн Кронштадтский. Полная биография. СПб., 1903. Целый ряд книг о нем был издан в русском зарубежье: *И. К. Сурский (Я. В. Ильяшевич)*. Отец Иоанн Кронштадтский. Белград, 1938. *Мефодий, иеромонах*. Отец Иоанн Кронштадтский, Сливен, 1938. *Четвериков Сергий,protoиерей*. Духовный облик отца Иоанна Кронштадтского и его пастирские заветы. Берлин, 1939. *Николаевский, А.* Великий паstryр земли Русской, отец Иоанн Кронштадтский. Мюнхен, 1948. *Соллогуб А. А.*, Отец Иоанн Кронштадтский – жизнь деятельность и чудеса. Джорданвиль, 1951. *Священник А. Семенов-Тяншанский*. Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк, 1955. *Чижов П. М.* Отец Иоанн Кронштадтский: Деятельность и кончина доброго паstryря, великого молитвенника и духовного светильника земли Российской. Джорданвиль, 1958. *Константин, архимандрит (проф. К. И. Зайцев)*. Духовный облик отца Иоанна Кронштадтского. Джорданвиль, 1964.

⁴ Я опасаюсь что читатель, прочитав мой 5-членный список авторов, спросит с удивлением: а где же всемирно известный религиозно-философский мыслитель и писатель Н. А. Бердяев? Но мой «пропуск» не слушен. Многочисленные религиозно-философские и социально-политические писания Бердяева являются картину непрерывных и изменчивых исканий (и блужданий) в попытках найти какую-то новую правду и новую религию, но изучением истории Русской Православной Церкви в собственном смысле Бердяев не занимался (по крайней мере, в списке его книг таких трудов «не значится»).

⁵ Нескольких из названных ниже книг по истории Православной Церкви и по истории раскола я не нашел в каталоге Йельской библиотеки и должен был внести их в свои списки «из вторых рук», поэтому в моих списках возможны некоторые (думаю, немногие) ошибки или неточности в заглавиях книг, в инициалах авторов или в годах изданий. – С. П.

«Остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец...»

К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого)

В архиве священника Павла Флоренского сохранились тексты семи писем архиепископа Антония (Храповицкого) в адрес Павла Александровича Флоренского, написанных в разные годы (первое помечено апрелем 1910 года, последнее – июнем 1917 года). Письма написаны из разных мест – Житомира и Белгорода, Сердоболя и Харькова. Они позволяют наметить динамику непростых взаимоотношений авторов. Тональность писем переменчива – от холодно официальных до искренне доброжелательных, едва ли не дружественных.

Письма развенчивают давние слухи о том, что архиепископ Антоний якобы обвинял Флоренского чуть ли не в ереси. В критические моменты жизни Павел Флоренский дважды испытывал заступничество архиепископа Антония. В первый раз – при защите магистерской диссертации, а второй раз – в 1916 году, когда один из влиятельных иерархов Церкви хотел напечатать злобные измышления о Флоренском и обратился с просьбой опубликовать свой опус на страницах харьковского журнала «Вера и Разум» к Владыке Антонию, но тот, будучи правящим архиереем Харьковской епархии, решительно воспротивился этому.

Один из ярчайших иерархов Русской Церкви XX века, член Святейшего Синода, доктор богословия, духовный писатель митрополит Антоний (Храповиц-

кий; † 1936) был яркой и колоритной фигурой, отношение к которой современников было весьма различным. По мнению одних, он был «блестящим богословом и церковным деятелем», по мнению других – «политическим деятелем консервативного толка», по мнению третьих – «будущим реформатором в церковном деле».

Митрополит Антоний не скрывал своих четких ортодоксальных идей и взглядов и резко выступал против революционного пути. Владыка Антоний предвидел катастрофу, к которой стремительно неслась Россия, ведомая разраставшимся безбожием и массовым увлечением идеями материализма. После революции 1905 года он резко осудил рабочих, примкнувших к революции. А сами события, по его убеждению, были глубоко безнравственны. После революции Владыка Антоний занял однозначно непримириимую позицию по отношению к революционерам, а они, в свою очередь, считали его одним из важных и крупных идеологических врагов.

По предузнавшему волю Божию жребию митрополит Антоний не стал в 1917 году Патриархом всея Руси, хотя с его личностью многие связывали надежды на осуществление преобразований в Русской Православной Церкви.

Когда будущему митрополиту Антонию было всего двадцать четыре года, он написал свой первый богословский

Митрополит Антоний (Храповицкий)
Югославия, 1930-е годы

труд на тему «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности». По убеждению автора, «свобода изначально заложена в недра человеческой богоподобной души» и «сознание свободы есть необходимое условие нравственной жизни».

Этот труд молодого богослова имел такой читательский резонанс, что впоследствии неоднократно переиздавался. Диссертация выдержала пять изданий.

Одну из причин грядущей русской катастрофы он видел в том, что силы раздора, вражды, безбожия стали побеждать силы согласия в общественном сознании самых разных слоев тогдашней России.

В статье «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы» (1892 год) он писал, что «Троица есть пример устройства человеческих отношений по закону гармоничного согласия, основу которого составляет беспредельная Любовь».

20 февраля 1905 года в Исаакиевском соборе в Петербурге Владыка Антоний произнес страстную проповедь о Страшном суде. Он говорил об «огромном кровавом зареве над Россией» и призывал очнуться. Он осуждал призывы к бунту и кровавому насилию. Митрополит Антоний провидел попрание нравственных основ жизни. Он говорил о том, что «враг, упорный и жестокий, кончит тем, что будет разрушать святые храмы и низвергать моши угодников Божиих, собирая их в анатомический театр».

Г. Флоровский в книге «Пути русского богословия» (Париж, 1937. С. 427) в главе «Историческая школа» писал: «В Духовную академию он пришел из светской школы в настроениях религиозного славянофильства, под влиянием Достоевского, и с уже сложившимся решением встать на пастырский путь. Преобладающим и для него был интерес философский. Для Антония тоже прежде всего стояла задача сомнуть веру и философию...»

Не подобная ли задача спустя десятилетия будет поставлена молодым Павлом Флоренским, который после физико-математического отделения Московского университета поступит в Духовную академию?

Митрополит Антоний снискал себе известность не только как пастырь и проповедник, но и как усердный и ревностный распространитель духовного просвещения. Еще в юности он входил в кружок проповедников, которые пытались нести слово о Боге в общественные залы и аудитории, тюрьмы иnochлежные дома. Такого рода кружки он поощрял в бытность своего ректора-

ства в Московской Духовной академии. И сам оставил заметный след в их работе.

Позже тяготение к кружкам, направленным на духовное развитие и познание слова о Боге, испытывал и Павел Флоренский.

1904 год как бы завершил период мучительного и длительного духовного кризиса, который переживал Павел Флоренский в юности, мужественно занимаясь «духовной расчисткой» собственной души.

Его знаменитый труд «Столп и утверждение Истины» отразил искания и томления, сомнения и прозрения, его непосредственный духовный опыт, связанный с поступлением в Духовную академию.

Первые главы увидели свет уже в 1908 году в сборнике «Вопросы религии» (вып. 2), когда Флоренский заканчивал Академию и писал кандидатское сочинение «О религиозной истине». В своем отзыве профессор Глаголев считет необходимым отметить, что «автор сочинения сделал в высшей степени ценный вклад в православную богословскую литературу».

19 декабря 1908 года была утверждена тема магистерской диссертации Флоренского, но в 1910 году им был поставлен вопрос об изменении названия с целью заметного расширения рамок изучаемых проблем. В окончательном варианте название звучало так: «О духовной истине. Опыт теодицеи».

В апреле 1912 года была представлена к защите вторая редакция этого обширнейшего труда, а всего вариантов было четыре. В апреле того же года молодой Флоренский писал в прошении: «Покорнейше прошу Совет Московской Духовной академии допустить к защите на степень магистра богословия». А несколько раньше будет подано прошение, текст которого вносит дополнительные

сведения в историю создания «Столпа и утверждения Истины»: «В настоящем учебном году (имеется в виду 1910 год. — С. Ш.) истекает двухлетний срок, полагающийся на разработку и напечатание магистерской диссертации, но ввиду особых обстоятельств, в которых находилась моя работа со времени окончания мною курса обучения в Академии, решаюсь покорнейше просить Совет Академии ходатайствовать перед Святейшим Правительственным Синодом о продлении мне срока на один год. Особые обстоятельства заключались в том что, во-первых, у меня не было в распоряжении стипендиального года, в котором обычно разрабатывается сказанная диссертация. Во-вторых, в том, что настоящий учебный год пришлось посвятить, вследствие увеличения вдвое числа лекционных часов, составлению курса лекций. Печатать же диссертацию, имеющую выйти за пределы академической семьи в публику, в небрежном, необработанном виде, мне представляется поступком против того служения, на которое поставлен Святой Церковью...» Прошение было удовлетворено.

Для раскрытия внутренних задач, которые ставил перед собой Флоренский, последняя фраза прошения особенно показательна. Автор с самого начала считал, что его труд должен быть обращен к широкой читательской аудитории.

Диссертация Флоренского явно не соответствовала привычным и устоявшимся стандартам, поэтому она была передана на рассмотрение двум рецензентам, одним из которых был ректор Академии — епископ Феодор (Поздеевский, † 1937).

7 ноября 1913 года отец Павел доверительно написал ему: «...есть силы, с которыми бороться трудно и, быть может, даже невозможно. Я, по крайней мере, устал за десять лет и от борьбы отказываюсь... Духовенство,

Священник Павел Флоренский

как владеющее властью Церкви, отчасти законною, отчасти захваченою, более чем какая-либо (власть. – С. Ш.) имеет склонность поповский быт, поповские манеры, поповские интересы выдавать за Христову Церковь и ее атрибуты. Я не берусь судить или даже осуждать «поповство», однако самым решительным образом скажу, что оно мне не только чуждо, но и вовсе не вижу надобности усваивать его себе. Но на этой почве и происходит ужасная, непонятная для человека, выросшего в этом (курсив П. Ф. – С. Ш.) быте, тяжесть мелких требований, которые предъявляются якобы от имени Церкви...»

Только в конце марта 1914 года на Совете Академии были зачитаны оба отзыва на магистерскую диссертацию Павла Флоренского и назначено наконец-то время ее защиты. Оба текста были опубликованы в «Журнале со-

браний Московской Духовной академии».

Силой своего авторитета епископ Феодор пытался погасить заметное недоброжелательство ряда профессоров, ополчившихся на работу Флоренского. В своем отзыве он указывал на то, что «последние главы в богословском отношении особенно интересны и могут давать как бы исходную точку отправления для определенной оценки всей книги...» Он отмечал оригинальность мыслей автора как «удивительное явление, проявившееся и в содержании, и в стиле, и в целом во всем построении труда...»

19 мая 1914 года состоялась защита. «Московские новости» в хронике отмечали, что «по окончании диспута отцу Флоренскому была устроена студентами и публикой шумная овация». На диспут приехали его друзья и его духовник – епископ Антоний (Флоренсов, † 1918?).

Флоренский незадолго до защиты издал новый вариант диссертации под названием «Опыт православной теодицеи», а вскоре завершил подготовку к печати наиболее полного и окончательного варианта, в который входили двенадцать глав и значительное количество приложений и комментариев.

Заметно расширяет представление о Павле Флоренском и истории издания его «Столпа и утверждения Истины» надпись на одном из экземпляров этой книги, которую воспроизводит в своем исследовании его внук – игумен Андроник (Трубачев). «Ваше слово направило меня в Академию, – писал Флоренский. – Ваше слово меня там удерживало и Ваше же слово заставило меня там остаться. Теперь я могу сказать откровенно, что мое отношение к Академии было послушанием. Вот почему этот хотя и ничтожный, но в жизни моей очень решительный труд я решил посвятить Вам <...> другой жизненный шаг свой, а именно пробную лекцию свою, я посвятил своим

родителям по плоти. Прошу принять это посвящение как знак всегдашней преданности Вам и сыновней любви. Благословите и простите, что мой дар Вам так беден и ничтожен». Эта дарственная надпись адресована епископу Антонию Флоренсову.

Один из учеников и слушателей Флоренского в Академии накануне революции, Сергей Волков, позже отмечал: «В те годы он готовил к печати свою религиозно-философскую диссертацию «Столп и утверждение Истины», трактующую основные вопросы бытия... Вышедшая вскоре в издательстве «Путь» книга имеет посвящение: «Всеблагоуханному и Пречистому Имени Девы и Матери». Уже в одном этом посвящении сказалась принадлежность автора к средневековому реализму... Книга была издана узорчато... это был род трактата, изданного так же, как его издал бы Пико делла Мирандола... была не только стилизация, но и внутренняя конгениальность. Конечно, я это все понял лишь впоследствии. А тогда только изумлялся...»

В сознании многих книга Флоренского вызывала не только чувство изумления, но и восхищения. Так, епископ Феодор (Поздеевский) был убежден, что «книга отца Павла может удовлетворить самый требовательный вкус, изощренный в философии и психологии». Он заканчивал свой отзыв нетрадиционно: «Не знаю, есть ли на Западе что-либо подобное, но в русской литературе ничего подобного нет <...> книга высоконаучная и трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом... читаешь и чувствуешь, что вместе с нею растешь духовно, что вместе с нею не только приобретаешь знания в какой-то области, но что до нее нужно дорасти».

Несмотря на этот отзыв, напоминающий в некоторых местах почти панегирик, Святейший Синод, прежде чем принять решение, направил труд Павла

Флоренского на новую рецензию, которую на этот раз должен был дать архиепископ Антоний (Храповицкий), один из членов Святейшего Синода.

Еще в январе 1914 года епископ Феодор, советуя сделать ряд сокращений в работе, сообщал Флоренскому, что «члены Синода смотрят на Вашу работу косо». В таком контексте обращение к Владыке Антонию (Храповицкому), авторитет которого среди иерархов Церкви и богословов был достаточно высок, расценивалось как окончательный «приговор». 9 августа того же года архиепископ Антоний отправил телеграмму ректору Московской академии: «Прочитал 136 страниц книги Флоренского. Можно дать одобриттельный отзыв». Несмотря на лаконичность, документ весьма определенный и выразительный.

Поскольку архиепископ Антоний (Храповицкий) считался одним из «столпов ортодоксального консервативного Православия», то недоброжелатели Флоренского (а часть профессуры Московской Духовной академии даже бойкотировала его защиту. — С. Ш.), надо полагать, обратились именно к нему как к арбитру. Архиепископ Антоний поднялся над разногласиями и отнесся достаточно объективно к оригинальному труду молодого Флоренского. Только после высказанного им суждения Святейший Синод утвердил ученого в степени магистра богословия.

Указывая число прочитанных страниц, архиепископ Антоний тем самым определил главу, которую он просмотрел последней. Речь идет о главе под названием «Утешитель», эпиграфом к которой было известное изречение: «Залог есть Любовь».

Факт действенной поддержки Владыкой Антонием (Храповицким) начинавшего свой путь служения науке и Церкви отца Павла Флоренского не соот-

ветствует некоторым утверждениям и воспоминаниям. Публикация писем помогает внести ясность и отнести давние мифы.

16 декабря 1914 года за свой труд Флоренский получил почетную премию митрополита Московского Филарета, а весной 1915 года ему была присуждена еще одна премия – митрополита Московского Макария.

Несколько раньше отец Павел писал ректору Академии: «Я хорошо понимаю и чувствую, что своей диссертацией поставил Вас в положение неловкое и весьма смущался и смущаюсь этим». И объяснял далее: «Скажу примерно, в моей диссертации большинство смущается и будет смущаться шрифтом, языком, терминами философскими», но при этом высказывал искреннее недоумение: «Почему я должен печататься именно таким шрифтом, говорить таким-то языком... Люди, отрицающие не только положения Православия, но и самого Христа, прямо или косвенно, но соблюдающие при этом семинарский этикет, благополучны, а другие – нарушившие этикет, или точнее живущие по этикету иной среды, хотя и искренно признают церковность, – на каком-то подозрении...»

Осенью 1917 года Флоренский по поводу вариантов своего труда писал редактору «Богословской энциклопедии» профессору Н. Н. Глубоковскому: «О диссертации своей «О духовной Истине» я хотел бы сказать лишь то, что ни в ней, ни где бы то ни было не писал ни одной запятой (но кое-где существенно входящим в ткань книги моей пришлось поступиться) не потому, что я боялся Святейшего Синода, а потому, что я не был в нравственном праве требовать синодальной санкции тем строкам своей книги, которые казались моему рецензенту недостойными таковой <...> это пишу по чистой совести. Я не позволю стеснять своей совести и своей мысли никому, но потому не хочу

насиловать и чужой совести и чужого разумения, хотя бы они и казались мне карикатурными».

Далее он перечислял те сокращения, какие были им сделаны в диссертации по сравнению с книгой «Столп и утверждение Истины». Этот отрывок письма крайне важен для понимания авторской позиции. «Опущены, во-первых, лирические места. В моем понимании эти места были “не украшением”, не виньетками в книге, а методологическими прологами соответственных глав. Удачны ли эти места – судить не мне. Но хотел я именно таких вступлений, подготовливающих читателя к пониманию догматических и философских построений. Далее, опущен ряд глав-писем, представляющих собой философско-богословскую цель книги. И это сделано не без боли. Что же касается до примечаний, то их сокращение обусловлено исключительно экономическими соображениями – ради дешевизны вторичного набора, и следовательно, эти сокращения, может быть, и ущербны для материальной полноты книги со стороны идеейной и не представляют важности, а должны рассматриваться как безразличное». Он предлагал редактору для «изложения его методов и воззрения» обратиться именно к «Столпу» в полном его варианте, а не к тому сокращенному, с которым некогда знакомился архиепископ Антоний и ряд светских рецензентов.

В журнале «Вера и Разум» осенью 1914 года было помещено исследование, посвященное «Столпу и утверждению Истины», известного харьковского филолога Алексея Васильевича Ветухова. Эта работа называлась «Основы Веры и знания» (религия и наука по данным языка).

Примечателен эпиграф, который выбрал автор исследования. Это слова Павла Флоренского: «Вопросы веры не какие-нибудь вопросы, а существенно необходимые для самой жизни нашей.

Мы вынуждены выбрать либо веру, либо неверие, пока живы...»

Далее рецензент пишет: «Любовь христианская горит во всей книге отца Павла как человека, слишком остро пережившего муки быть без веры, жить вне Бога...» Ветухов рассказывает, что труд Флоренского оказался настолько захватывающим, что за появлением отдельных глав в печати следили не только лица духовного звания, но и широкая читательская аудитория.

Письма архиепископа Антония дополняют два черновых наброска ответов отца Павла Флоренского. Флоренский, по нашим предположениям, не менее пяти раз обращался к своему поченному адресату.

Черновик письма от 29 декабря 1915 года достаточно согласуется с письмом архиепископа Антония от 13 декабря того же года.

Задумав писать монографию, посвященную «житию» монаха Оптиной пустыни архимандрита Серапиона (Машкина), видя в нем оригинального философа и неординарного богослова, Флоренский скрупулезно собирал документы к его биографии. И потому вполне закономерно его обращение к архиепископу Антонию, который хорошо знал отца Серапиона (Машкина) и даже способствовал пострижению его в монахи.

Павел Флоренский лелеял мечту о собственном иноческом подвиге, но не получал на это благословения духовника. Интересно восприятие личности Флоренского Василием Розановым, который в одном из писем к Н. Н. Глубоковскому признавался доверительно: «По интересу личности, представьте, я во Флоренском встретил почти чудо: отшельник, монах (по жизни), философ (платоник)... и вместе с тем безгранично чувствующий природу, нашу серую северную природу...»

Надо полагать, что склонность к аскетизму в жизни заметно сближала его и с Владыкой Антонием (Храповицким), стойким поборником монашества.

Уже в первом из сохранившихся писем архиепископ Антоний (Храповицкий) высказывает в адрес своего нового корреспондента достаточно лестные слова: он пишет, что «считает его гораздо более содержательным мыслителем», нежели Серапион (Машкин).

Узнав о том, что Павел Флоренский принял сан священника, сочетая лекторскую работу с пастырской, Владыка Антоний написал ему: «Призываю Божие благословение на Ваше новое служение Церкви».

Из писем мы узнаем о том, что Флоренский дарил Владыке свои книги, быть может, и оттиски статей. Но вот какие именно, остается неясным...

Показательна фраза в одном из писем архиепископа Антония: «...смущаюсь Вашим мистицизмом...», которая как бы ставит своеобразную «мету» разногласий между ними, а разномыслие в богоизучении, надо полагать, было немалым...

Как редактор журнала «Богословский вестник», отец Павел просил Владыку Антония написать проблемную статью и получил принципиальное согласие. Статья должна была быть об «ученом монашестве» и основывалась бы на личном многолетнем духовном опыте Владыки.

Как член Государственного Совета, Владыка Антоний сталкивался с невежеством «думских попов» и «образованных архиереев», о чем, доверяя отцу Павлу, писал весьма резко.

Не менее резко он писал о тех, кто в дискуссии об «кимяславцах» занимал отличную от него позицию, называя это хлыстовской ересью. Но в то же время он явно не хотел, чтобы разобщение с отцом Павлом нарастало.

Дело в том, что отец Павел написал к книге афонского монаха Антония (Булатовича) предисловие, на что архиепис-

коп Антоний отреагировал бурно и однозначно: «...о сочувствии Вашем негодяю Булатовичу весьма сожалел...» На это Флоренский ответил спокойно, но с достоинством: «...единственное, чего я хотел бы и на чем успокоился, – это на авторитетном признании, что в затронутых вопросах есть *что-то* очень важное, но доселе не разрешенное и требующее к себе большого внимания...» (курсив П.Ф. – С.Ш.).

Тем не менее, несмотря на разногласия, духовная связь между ними сохранилась. Именно об этом свидетельствует последнее письмо, датированное 1917 годом, и ответ на него Павла Флоренского, написанный 23 июня 1917 года. В них обращает на себя внимание резкая фраза, вырвавшаяся из уст сдержанного и смиреннейшего отца Павла: «...хамократической власти».

Весной 1917 года и летом после отстранения архиепископа Антония (Храповицкого)

постицкого) от Харьковской кафедры он напряженно работал над статьей «Догмат искупления». Владыка пытался по-новому осмыслить многие вопросы в контексте надвигающейся катастрофы.

«Почему эти душевые муки Христа о человеческой греховности, – писал архиепископ Антоний, – явились искуплением?» И далее отвечал: «Потому, что сострадательная любовь таинственно соединила Его Дух с нашими душами, и мы черпаем для них Духа Христова – как бы источник святости и тем побеждаем грех...» Автор был убежден в том, что истинное христианство есть «религия совести».

В заключение хочется сказать, что несмотря на немногочисленность писем, вырисовывается картина взаимного тяготения столь разных личностей, как Владыка Антоний (Храповицкий) и отец Павел Флоренский.

С. ШОЛОМОВА

Письма архиепископа Антония (Храповицкого)

1.

На конверте: Сергиев Посад. Московск. губ.

Е. В. Б. Павлу Александровичу Флоринскому. Петропавл. ул., д. Ивойлова.

Штемпель: Житомир. 8.04.1910.

Рукой П. Флоренского: «получ. 1910.14.11».

Многоуважаемый Павел Александрович!

Конечно, об о. Серапионе у меня много воспоминаний, но записывать таких не имею времени не только о нем, но и о сотне личностей в тысячу раз более заслуживающих печатного о них мемуара*.

* Очевидно, Павел Флоренский обратился с просьбой к Владыке Антонию (Храповицкому) в связи с подготовкой большого труда, посвященного архимандриту Серапиону (Машкину). В сборнике «Вопросы религии» (М., 1906. Вып. 1. С. 143–173) была напечатана статья П. Флоренского «К почети вышнего звания. Черты характера архимандрита Серапиона (Машкина)».

В 1917 году в «Богословском вестнике» (№ 2–3) были опубликованы документы под заглавием «Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона (Машкина)» (с. 317–354). Предполагалось включение материалов о Серапионе (Машкине) в собрание сочинений П. Флоренского, о чем свидетельствует проспект «Собрания сочинений» (1917–1919), в т. XV.

П. Флоренский знал, что пострижение В. М. Машкина в монашество было совершено архиепископом Антонием (Храповицким). Слово пастыря по этому поводу было опубликовано: Антоний (Храповицкий), архиепископ. Слово при пострижении вольнослушателей Московской Духовной академии М. Ф. Алексеева и В. М. Машкина // Церковные ведомости. М., 1892. № 43; Полн. собр. соч. архиепископа Антония (Храповицкого). Казань, 1900. Т. 1. С. 229–232.

Письма я все сжигаю и потому не могу Вас ими оделить, но, если Вам так нужно собирать сведения о личности, вовсе не замечательной, то как-нибудь поймайте меня либо во время моих заездов в Москву, либо пожалуйте на Святой седмице в Житомир.

Мой флигель к Вашим услугам, а с Вами познакомиться мне приятно уже потому, что считаю Вас гораздо содержательнейшим мыслителем, нежели о. Серапион, хотя и последнего ценил за правдивую душу и доброе сердце.

Карточка о. Серапиона у меня есть в группах, которые имеются у фотографа в Сергиевом Посаде, но если их не добыть теперь, то я охотно перешлю Вам свои экземпляры.

Пользуюсь случаем выразить Вам свое сочувствие, хотя должен признаться, что статьи Ваши знаю больше по заглавиям, чем по содержанию: наша жизнь лишает нас возможности читать много, при всем желании не избежать рецидивизма невежества. Призываю на Вас Божие благословение.

И остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец А. Антоний

2.

На конверте: Сергиев Посад.

Е.В.Б. профессору Духовной академии священнику о. Павлу Флоренскому.

Штемпель: Харьков 17.08.1911.

Достоуважаемый батюшка о. Павел!

От души приветствую Вас с благодатию священства* и благодарю за сочинения.

Г. Гиацинтыча устроить постараюсь, но дело не так легко, ибо огромное множество кандидатов осаждают чиновников Учебного Комитета и осаждающих в десять раз более, чем вакансий. Сам Гиацинтыч производит весьма приятное впечатление**.

Призываю Божие благословение на Ваше новое служение Церкви и прошу молиться за Вашего доброжелателя А. Антония***.

3.

Текст написан на визитной карточке

На конверте: Сергиев Посад. Духовная академия

Е.В.П. профессору – священнику о. Павлу Флоренскому.

Штемпель: Белгород 13.12.1915.

Рукой П. Флоренского: «получ. 1915.XII.15».

Антоний, Архиепископ Волынский и Житомирский, приносит искренно уважаемому о. Павлу сердечную благодарность за сочувствие и молитвы.

Не скрою, что несколько смущаюсь Вашим мистицизмом: внутреннее и внешнее в виде нитей связано так механически, как разные явления в области

* 23 апреля 1911 года Павел Александрович Флоренский был рукоположен во диакона епископом Феодором (Поздеевским), ректором Московской Духовной академии, а на следующий день – во иерея.

** Речь идет об одном из братьев жены П. А. Флоренского Анны Михайловны Гиацинтовой – Гаврииле.

*** Последняя фраза позволяет увидеть основную настроенность Владыки Антония по отношению к отцу Павлу Флоренскому, с которым, видимо, личного знакомства не было.

механики и химии. Не числа и не имена, а движения нравственной воли приближают нас к Богу и да отыдет от нас Вл. Соловьев с его каббалистикой*.

4.

На конверте: Сергиев Посад.

Е.В.П. профессору Духовной академии священнику о. Павлу Флоренскому.

Штемпель: Харьков. 23.4.1916

Рукой П. Флоренского: «NB! Имяславие».

Христос воскресе! Для верующего христианина сокровище жизни – не на земле, а на небе, куда открыт нам неукорный путь Христовым Воскресением. Поэтому скорби настоящей жизни, и в частности современных ее условий среди военных и иных бедствий, не могут лишить нас радости, внушаемой упнованием на Христовы слова: «...паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости ваше никтоже возмет от вас» (Ин. 16, 22).

Полное осуществление сих слов спасенные получают в жизни грядущей, но и в сей земной юдоли изречение сие отчасти оправдывается во дни Святой Пасхи, когда верующие сподобляются особенного благодатного дара духовного общения со Христом и чувствуют Его невидимо предстоящим перед ними и ободряющим их, что и наполняет сердца блаженной радостью.

Молитвенно пожелав Вам сей радости небесной во дни наступившего Христова праздника, прошу Вашу любовь вознести и о мне, грешном, такое же ко Господу моление. А. Антоний**.

Всем корреспондентам своим я запоздал с ответом; но более всех считаю себя виноватым перед Вами, любезный Батюшка о. Павел.

Перечитал сейчас Ваше письмо и уже не пойму, о каких моих обвинениях Вас Вы упоминаете? Я выражаюсь всегда прямо и ни в чем Вас не обвинял и не укорял, и о сочувствии Вашем негодяю и нигилисту Булатовичу*** весьма сожалел, но объясняю оное полною неосведомленностью Вашею в его личности, в сознательных подтасовках и искажениях, и т. п. гнусных его приемах.

Писать об ученом монашестве не знаю, придется ли мне. Целый день в работе или на служении в храме, а ночью за бумагами, и все-таки не успеваю перелогать своих дел. Если удастся, пошлю Вам.

Цель думских попов***, распропагандированных Годлевым и пр., ясна – уничтожить и образованных архиереев, и образованных священников (обмирщик се-

* Известно, что архиепископ Антоний (Храповицкий) в одной из своих статей назвал Вл. Соловьева ложным пророком. Напротив, в статье «Понятие Церкви в Священном Писании» П. Флоренский дважды ссылается на авторитет архиепископа Антония (Храповицкого), причем, рассматривая вопрос о месте Церкви в жизни современного человека, пишет: «...так же понимает этот вопрос Антоний, архиепископ Волынский, так же разумел его Вл. Соловьев...» (П. Флоренский. Сочинения в 4-х томах. М., 1994. Т. I. С. 384.)

** Текст представляет собой пасхальную листовку с подписью архиепископа Антония. После подписи далее идет текст рукописный в адрес о. Павла.

*** Антоний (Булатович). Апология веры во имя Божие и во имя Иисуса. М., 1913. 189 с. + XIV. В 1916 году архиепископ Антоний выпустил книгу «Святое Православие и именобожническая ересь». Ч. I (догматическая). Харьков, 1916. 278 с. В этом издании дается резкая критика книги Булатовича. Автор книги пишет: «...еще менее находим опыта духовного в книге Булатовича, а обретаем там одно только словопрение, т. е. схоластику, но без твердой логики, без знания Святой Библии и без понимания греческого языка...»

**** В Государственную Думу было избрано большое число священников, в значительной степени демократического, обновленческого толка.

минарии и указав их питомцам дорогу в университет), а затем ввести в России лютеранство, о чём мечтали 32*, а еще раньше — герои 60-х годов Васильев и Янышев**, и др***.

5.

*На конверте: Сергиев Посад. Духовная академия.
Е.В.Б. профессору — священнику о. Павлу Флоренскому.
Штемпель: Харьков 14.11.1916.
Рукой П. Флоренского: «получ. 1916.XI.18. Серг. Пос.»*

Дорогой о. Павел!

Ну конечно, я давно забыл о своем обещании писать статью, а на мне лежит долг закончить о Ренане для «Веры и Разума»**** и еще «Письма о национализме» для «Русской жизни», а 14-го лекция публичная о Л. Толстом с диспутом... Для чего еду 23-го в Св. Горы на четыре дня и там что-нибудь напишу.

Если бы Вы или Феодор***** напомнили б о сем в сентябре, то я бы о Ренане послал не в харьковский журнал, а в «Богословский вестник».

Жизнь, как мельница, вертится предо мною и переделать срочных дел я не могу, но не отказываюсь на будущее время, а пока простите.

Преданный сердечно А. Антоний.

6.

*На конверте: Сергиев Посад. Моск. губ. Духовная академия.
Е.В.Б. профессору — священнику о. Павлу Флоренскому
Штемпель: Сердоболь. 1.6.1917.
Рукой П. Флоренского: «получ. 1917.VI.23. Серг. Пос.; отв. 1917.VI.23. – VII.2»*

Всечестный Батюшка о. Павел!

Водворившись 18 мая на Валаам, я написал большую статью, вероятно, на 45–50 страниц: «Догмат искупления».

Если Вы пребываете редактором, если «Богословский вестник» продолжает выходить, если имя мое не настолько одиозно для обновленной Академии, что появление его в академическом журнале не подвергнет редактора неприятностям, то я предпочтительно послал бы статью в Ваш журнал, ибо у меня на совести неисполненное полуобещание дать Вам статью в юбилейный номер прошлого года: не исполнил же я просто по забвению и хотел бы загладить.

* В 1905 году после Манифеста 17 октября («Об усовершенствовании государственного порядка») 32 священника пытались образовать «Союз церковного обновления», выпустив петицию, требующую демократических антииерархических реформ в Церкви. По сути дела, это начало обновленчества. Лидеры: священники Григорий Петров, позже лишенный сана, и Константин Аггеев.

** Протопресвитер Иоанн Янышев, духовник Царской Семьи в начале царствования Императора Александра III. Долго служил в Европе.

*** Текст письма обрывается на полуслове. Быть может, окончание не сохранилось, а быть может, это обусловлено особой эмоциональной настроенностью архиепископа Антония в момент написания этого послания.

**** Статья архиепископа Антония «О книгах Ренана с новой точки зрения» начала печататься в харьковском журнале «Вера и разум» в 1916 году (№ 10). В 1917 году вышла отдельной брошюрой.

***** Епископ Феодор (Поздеевский), ректор Московской Духовной академии.

Немножко я думал с этой статьей и о «Русской мысли», в которой стали богословствовать публицисты, но те хотя бы и одобрили содержание моей статьи, ибо оно подобно моим брошюрам, изданным Новоселовым** и ими одобряемым, но опасаются того, «что будет говорить княгиня Марья Алексеевна», т. е. товарищи сознательные.

Итак, прошу Вашего ответа. Статья моя, конечно, даровая, но желательно сто оттисков.

Господь да вознаградит Вас за благородство в отношении к Преосвященному Феодору.

Преданный душевно А. Антоний.

Г. Сердоболь. Валаамский монастырь.

7.

Многоуважаемый и достолюбезный о. Павел!***

Написать нечто к юбилею журнала (хотя 25-летие – полурублей), я готов. Я бы не прочь дать ряд статей, но он не по сердцу будет изданию «История возрожденного ученого монашества», которое началось на моих глазах, здесь был бы и ответ на поднявшиеся голоса нигилистов в рясах, оказавшиеся в думской записке, где под видом радения о просвещении и даже якобы о благочестии проводятся лютеранские и грубо кастовые притязания безо всякой церемонии.

Но с этим навязываться в журнал, который в 1905–1908 годах стоял на такой же совершенно почве, едва ли удобно. Написать против именобожников, но, увы, Вы сами им сочувствуете, хотя, конечно, не сочувствуете их покровителю Распутину, ради них изгнавшему а. Никона. Посему придется ограничиться статьей для юбилейного номера, а Вы мне назначьте крайний срок ее представления (ноябрь 1916-го), если я доживу до того срока.

Теперь другой вопрос – о том, что надо делать? Я убеждал безуспешно редактора в 1895 году напечатать список святоотеческих толкований на все книги Св. Библии, его составил Муретов.

Для всех читателей это неинтересно, но для работающих над словом Божиим – высшей степени.

Затем кандидат Казанской академии, законоучитель Казанского реального училища, священник, может быть, протоиерей о. Михаил Колокольцев имеет небольшую, но ценную работу «Параллели между Апокалипсисом и пророчествами Иезекииля, Даниила, Захарии и Ездры». Это сводка почти механическая, но весьма научная.

Конечно, этим журнала не оживить для публики. Для последнего наша корпорация неспособна, да и публика с 1905 года неспособна интересоваться чем-либо вне политики и порнографии, да еще волшебства разного рода, представляемые шантажистами...

* На страницах журнала «Русская мысль» выступали Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк и др.

** М. А. Новоселов, богослов и издатель серии религиозно-философской литературы. Неославянофил. См.: Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. Томск, 1998.

*** Письмо не имеет ни даты, ни конверта, но по содержанию очевидно, что оно было написано в 1915 году, накануне юбилея «Богословского вестника».

Вот хорошая тема: падение литературных талантов на служении революции и нигилизму. Рассмотреть повесть Л. Толстого «Отец Сергий», Горького «Исповедь» <...>

Указать достоинства их талантов, пока они были свободны от тенденции, и их падение, когда они поработили музу толпе. Во всяком случае, желаю Вашему журналу процветания, но своим назвать его не могу.

Меня сразу отбил от него Горский, которого я сам же и навязал в редакторы, своими глупыми и неприличными статьями об уважении к закону и т. п.

Помогай Вам Господь.

Требуйте еще статей от профессора Киевского университета прот. Н. Боголюбова...

Преданный душевно А. Антоний.

Письма священника Павла Флоренского

1.

Декабря 29 дня 1915 года

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь и Отец!

Благодарю Вас за Ваше согласие написать что-нибудь для «Богословского вестника». Ваши слова вызывают, однако, во мне недоумение, т. к. я не могу припомнить, чем именно я подал повод к некоторым из Ваших обвинений.

Согласитесь сами, ведь не виноват же я в статьях «Богословского вестника», печатавшихся в 1905 году и ранее. Да даже и в настоящих далеко не всегда я могу считать себя ответственным, т. к. целый ряд лиц пишет, ничуть не завися от моих желаний и соображений. В частности, проектируемые Вашим Высокопреосвященством статьи по истории ученого монашества с моей стороны кроме искреннего удовольствия ничего не увидят.

Прежде всего, каково бы ни было мое личное отношение к монашеству, получить историю столь обширного церковного явления из рук главы ученого монашества и почти основателя его, разумеется, будет приобретением важным и интересным. Полагаю, что так должны смотреть на дело и читатели, независимо от своих убеждений относительно монашества.

А затем и по существу аскетизм я считаю центральной идеей Православия в его жизненном воплощении, монашество – наиболее ярким выражением и цветом этой идеи, ученое же монашество, поскольку и оно служит, хотя и менее непосредственно, той же идее, могу лишь поддерживать и защищать. Что же касается до практического осуществления своих задач монашеством, то печальная действительность наших дней показывает, до какой степени всё и все опустились. Едва ли Вы станете курить фимиам иерархам, низкопоклонничающим пред явными нарушителями всего церковного. В итоге ученое монашество, как и все земное, – зло, но из разных видов возможного зла, кажется, наиболее терпимое. Во всяком случае, поверьте, мой взгляд обращен может быть куда угодно, не к «ббб-ти» петроградским священникам, вожделевающим получить 666 митр и избавиться от святых отцов.

За это-то могу поручиться, хотя при общем пессимизме относительно себя и других вообще ни за кого и ни в чем не берусь ручаться. Но, увы, мне думается, что историю ученого монашества писать и потому благовременно, что ны-

нешние ауспиции предвещают и разгром его. Не вышла бы Ваша «История» и «некрологом».

Теперь об Афоне. Никакого имябожества я не признаю, имябожником себя не считаю и, если таковые есть, от них отрекаюсь.

Моя позиция скорее отрицательная, чем положительная: я никак не могу согласиться с Вашиими, например, статьями по этому вопросу.

Охотно допускаю, что, может быть, и противная сторона во многом ошибается, и единственное, чего я хотел бы и на чем успокоился, это на авторитетном признании, что в затронутых вопросах есть *что-то* очень важное, но доселе не разрешенное и требующее к себе большого внимания.

Вы хотели бы написать «об имябожниках», но если бы можно это так устроить, чтобы я мог ответить Вам, а не оставаться безмолвным, то с великою радостью я напечатал бы Вашу статью*.

2.

1917.VI.23. Сергиев Посад

Архиепископу Антонию Храповицкому

Ваше Высокопреосвященство, милостивый Архипастырь и Отец!

С огорчением получил сегодня Ваше письмо, – с огорчением, ибо вынужден ответить отказом.

Редактором «Богословского вестника» я уже не состою и дела по редакции сдал г. Тарееву, новому редактору.

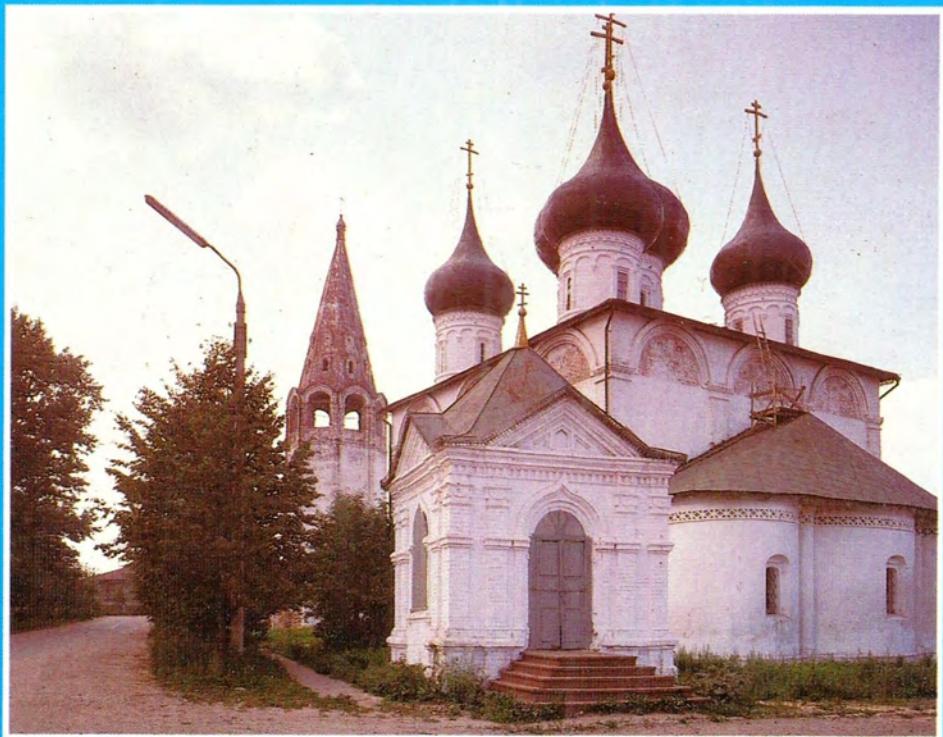
Я поспешил отказаться сам, не имея ни малейшего желания развивать идеологию хамократической церкви и не желая также быть выставленным товариществующими своими со-товарищами.

Жаль, но Вы месяца на полтора опоздали со своим письмом. Что касается «Русской мысли», то П. Б. Струве – человек порядочный и едва ли станет слишком считаться с мнением «сеющих разумное, доброе, вечное», особенно теперь, когда из посеванного взросли чертополох и бурьян. Впрочем, все это было давно предсказано Достоевским и теперь представление разыгрывается уже по написанной партитуре и надо ждать, когда же «спасибо сердечное скажет народ». Такое настоящее «русское спасибо» с трехэтажными приправами и мордобытием...**

* Очевидно, это черновые наброски отосланного письма Флоренского.

** Черновик письма явно не закончен, хотя основное в связи с письмом архиепископа Антония от 1 июня 1917 года высказано.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
1998